

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ
Антон
КРАСНОВ

ЛЕННАР []
ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ

Леннар

Роман ЗЛОТНИКОВ
Чужой монастырь

«Автор»
«Краснов Антон»

2008

Злотников Р. В.

Чужой монастырь / Р. В. Злотников — «Автор», «Краснов Антон», 2008 — (Леннар)

Был только один способ спасти население гибнущей планеты Леобей: построить гигантские звездолеты и отправиться на поиски нового мира. За этот проект, названный «Врата в бездну», выступали ученые, чиновники и Леннар, глава Гвардии Разума. Но были и противники – жрецы религии Купола. И случилось худшее: на борт одного звездолета проникли сам предстоятель Купола, наместник Неба Зембер XV, и его приспешники... «Чужой монастырь» – четвертый роман фантастического цикла «Леннар». Первый контакт с леобейцами оказался совсем не таким, как ожидалось. Вместо торжественного приема делегация землян попала на поле боя, а затем – на казнь. Об этом позаботился Акил, глава еретической секты сардонаров, неуклонно укрепляющей власть на всех уровнях звездолета «Арламдор». По слухам, в том бою в шлюзе № 21 погибли приближенные Леннара и сам он сложил голову. Но слухам не всегда можно верить – Леннар жив, это известно землянину Косте Гамову, чьи сопланетники, уцелевшие в шлюзе и выжившие во время Большого гликко, начинают свою войну...

© Злотников Р. В., 2008

© Автор, 2008

© Краснов Антон, 2008

Содержание

Пролог	5
1	5
2	9
3	13
Часть I	15
Глава первая	15
1	15
2	19
3	26
Глава вторая	30
1	30
2	33
3	41
Глава третья	46
1	46
2	49
3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Роман Злотников, Антон Краснов

Чужой монастырь

Пролог

Свежая кровь

1

Корабль, транспортный шлюз № 21.

– Да, – спокойно сказал Абу-Керим, сталкивая с себя труп, рухнувший на него в буквальном смысле с небес, – я знал, что с этими неверными пришельцами все будет не проще, чем с нами. Мои люди захватили в Москве Координационный центр этого проекта? На все воля Аллаха. И эти тоже действуют по его воле, хотя, наверное, думают, что им указывают какие-нибудь свои, местные боги. Вон какие экстатические рожи!

Слова эти, произнесенные на чистом русском языке, остались без ответа. Если не считать таковым дикий вопль, неожиданно вырвавшийся из уст типа, которого сам Абу-Керим вообще считал мертвым и только что столкнул с себя на землю. Впрочем, в роли земли выступало тусклое, серое покрытие, шершавое, холодное, заметно подрагивающее, словно там, в глубине, ворочалось и рокотало что-то живое и недовольное... В роли же трупа подвизался высокий, худой парень с удивительно нежной, совершенно лишенной волосяного покрова смуглой кожей, почти голый, если не считать узких темно-коричневых кожаных штанов, тесно шнурованных на щиколотках. В агонии он стискивал руками черный шест, на обоих концах которого тускло блестели два лезвия, а на его лице светилась длинная, белозубая, почти счастливая улыбка.

Тут же валялось и средство передвижения бойца – вытянутая металлическая платформа, неуловимо напоминающая доску для скейтборда. Впрочем, нет, не *валялось*: платформа зависла в нескольких сантиметрах от земли, и с нее стекала кровь и – с задней оконечности – струи жирного, остро и едко пахнущего зеленоватого дыма.

Парень в узких штанах вдруг откинул черный шест и, перевернувшись на спину, выгнулся всем телом. У него было такое счастливое лицо, что со стороны можно было подумать, будто он корчится от наслаждения, если бы... не огромная рваная рана в боку, из которой лезли внутренности. Абу-Керим сощурил глаза. Над его головой полыхнуло несколько вспышек, в двух шагах от него насмерть сражались люди, каждого из которых он видел в первый раз и большинство – в последний; но Абу-Керим, будучи неподвижен, не отводил взгляд от раны в боку неизвестного, раны, в которой что-то булькало и шевелилось, словно в потревоженной болотной трясине.

«Антропоморфны, – мелькнула быстрая мысль, – поразительное сходство с нами. Рожи, конечно, довольно страшные, но... В таком случае что у него со внутренностями?..»

Ответ был получен незамедлительно. Ответ тот выдавился из кишок умирающего жирным, блестящим от густой слизи столбиком пластичной черной массы; ответ обернулся червем с раздувающимися «защечными» капюшонами и неуловимо меняющей контуры головой, так, словно в ней не было черепных костей.

Червь буквально испускал флюиды чистой, незамутненной животной ненависти; и даже Абу-Керим, способный отсечь человеку голову с той легкостью, с какой повар шинкует капусту, отпрянул, отполз, толкаясь ногами и распрямляясь всем телом.

Прямо над головой Абу-Керима пронесся на гравиплатформе еще один гибкий смуглокожий человек с шестом и в тесных кожаных штанах и устремился к какому-то устройству, которое Абу-Керим мог идентифицировать весьма приблизительно. По его разумению, это был некий шаттл, летательный модуль внушительных размеров, длиной до пятидесяти метров. Шипя, как змеи, метнулись в воздухе несколько огненных вспышек, и Абу-Керим до боли вывернул шею, чтобы понять, каков источник этого света...

Оружие плясало в руках высокого рыжеволосого человека. Оружие, похожее на окаменевшего электрического ската, хищно поблескивающее черными плоскостями, с коротким двуглавым раструбом и фосфоресцирующим столбиком светового прицела. Рыжеволосый, с лицом почти белым и искаженным, как от боли, выстрелил раз, другой, и зеленоватые вспышки выстрелов, угодив в корпус модуля, напрочь развалили носовую часть.

– О, б..., гуманные инопланетяне, – выпростался из дымного облака кто-то говорящий по-русски, – убивают друг друга!.. Мы тут как нельзя кстати... Ты был прав, скотина!..

Абу-Керим сверкнул зубами, разглядев капитана Епанчина. Начальник экспедиции в разорванном на плече оранжевом защитном комбинезоне и с отошедшей нижней частью расколотого шлема выглядел живописно: по его боку текла кровь вперемешку с какой-то технической жидкостью (*чужая* кровь!), от спины валил белый дым, словно у Епанчина воспламенился спинной мозг. На правую щиколотку намотался какой-то пружинящий провод и полз по земле, отчего капитан заметно приволакивал ногу.

– Надо же так удачно попасть, – заметил Абу-Керим. – Так что я еще не самый плохой человек в Солнечной системе, как вы, капитан, верно, решили. Пока мы будем разбираться, кто тут кого убивает, они разберутся между собой и тогда примутся за нас. Если, конечно, мы первыми не начнем... А что далеко ходить за примерами? Вон погляди, как пресс-атташе вашего проекта усердствует!

– Не вижу... – пробормотал Епанчин, оборачиваясь.

Видимость в самом деле стремительно ухудшалась. Место, ставшее ареной кровопролитной бойни, рубки, в которой не сразу можно было и разобраться, кто против кого, стремительно заволакивал дым. Борта шлюза, эти высоченные, вогнутые стены, вздымающиеся под купол гигантского тоннеля, сначала затянуло легкой дымкой, неизменно густеющей, прихватывающей рубчатый металл бортов все крепче, все плотнее. Потом вдоль вертикальных бороздок на стенах шлюза повалили целые струи дыма и, наконец, огромное едкое облако, соткавшись словно из воздуха, накрыло место схватки – несколько десятков людей, сражающихся на земле, рассекающих воздух на гравиплатформах, выпрыгивающих из люков кораблей или, напротив, спешащих укрыться за броней. Капитан Епанчин и оказавшийся рядом с ним Абу-Керим еще могли смутно различить землян, одетых в оранжевые комбинезоны, но остальных... Дымные провалы, ширясь и снова стремительно схлопываясь, пока позволяли выхватить взглядом эпизоды бойни, распавшейся на множество мозаичных кусков, развалившейся, как кровавая туша под ударами мясника.

Невозможно судить, кто есть кто. Широкоплечий, костистый здоровяк с татуированным черепом взмахивает секирой и на лету разбивает голову смуглолицему на гравиплатформе... Вот человек, от бровей до пят затянутый в неверно поблескивающую, эластичную ткань, ловко отпрыгнул, разминувшись с устремившимся на него летуном. Клинок в его руках прыгнул, и второй смуглокожий на гравиплатформе упал с ужасающей резаной раной в груди, троекратно смертельной, похожей на оскал чудовища. Вместо зубов торчали белые обломки рассаженных ребер... Смуглокожий, лежа на спине, то вздрагивал всем телом, то замирал, выгибаясь и запрокидывая голову, и по губам его блуждала бессмысленная, нежная улыбка.

– Они еще живут после *такого*... – оторопело уронил Абу-Керим. – И еще ухмыляются! Ну-ну... Нет, нет, капитан, ты смотри на нашего!.. Кто бы мог ожидать от него...

Абу-Керим имел в виду высокого молодого землянина, с головы которого уже слетел защитный шлем, а из нижней губы, прокушенной и уже напухшей, текла по подбородку кровь. Этот последний подхватил дымящуюся плоскость гравиплатформы, чей хозяин валялся тут же в агонии, и попытался отмахнуться ею от мощного клуба дыма, напрыгнувшего на него, словно живое, сизое, шевелящееся чудовище. Потом землянин присел и, нащупав правой рукой шлем, непонятно как слетевший с головы несколькими мгновениями ранее, водрузил его обратно. В этот момент из дымного развала вывалился прямо на него тип в длинных одеждах, с перехваченным тканью – почти до глаз – лицом, забрызганный кровью. В руке он держал клинок, по которому текло, с рубящей кромки падали тяжелые капли... У бедра виднелось оружие, похожее на морского ската, – такое же, как у того рыжеволосого, что разнес летательный модуль...

Пистолетный выстрел, произведенный кем-то из землян, прозвучал жалко. Нет, не кем-то, а майором Неделиным, курирующим вопросы безопасности, и...

Майор промахнулся с трех метров. Это было невозможно, но пущенная с убойной дистанции пуля каким-то неисповедимым манером разминулась с корпусом пришельца. Тот поднял клинок, и тяжелые рубиновые капли испятели запястье и кисть, туго перебинтованную узкой эластичной лентой... Он замер, выжидая, глядя на землянина с мертвой гравиплатформой в руках. Дымилась выщербленная кромка... И в следующее мгновение человек в оранжевом земном комбинезоне что было силы ударил массивной панелью по лицу убийцы.

Вот тут и разнеслись слова Абу-Керима:

– ...ожидать такой прыти!

Человек в длинных одеждах был быстр, очень быстр, и это ясно выявил его недавний поединок с летучим бойцом, чьей разбитой гравиплатформой завладел молодой землянин. Но сейчас он замер... замер и не предпринял никакой попытки отразить удар. Его отбросило на землю, и тотчас же над местом схватки, накрытым клубами дыма, пронесся низкий звериный вопль, полный боли, налитый яростью раненого хищника. Кричал не тот, кого ударили разбалансированной гравиплатформой. Кричал высоченный боец с татуированным черепом, вооруженный секирой. Но сейчас он выронил свое оружие и сам упал на землю, беспорядочно колотя по ней руками и ногами, словно в припадке.

Тот, кого ударил землянин, лежал лицом вверх. Было видно, что ребро панели гравиплатформы проломило лицевую кость и повредило переносицу человеку в длинных одеждах. Он лежал совершенно неподвижно, с открытыми, пустыми глазами, а землянин потерянно стоял над ним и наблюдал, как стекленеет и обесмысливается взгляд пришельца. Потом он вскинул голову и увидел, как из клубящегося под сводом шлюзового тоннеля зеленоватого сияния выскакивают один за другим смуглокожие полуобнаженные бойцы на гравиплатформах и по сужающейся спирали или даже напрямую нисходят на него...

– Так, – сказал Абу-Керим, – вот видишь, капитан... Что вы там несли о гуманности? О предусмотрительности, бережном отношении к чужому жизненному укладу? Я так думаю, что нужно под шумок валить куда глаза глядят – иначе *укладывать* будет решительно нечего!

– А где профессор Крейцер? – пробормотал капитан Епанчин, хотя названный профессор его не слишком интересовал. Просто сработала давняя привычка человека, всю свою жизнь включенного в вертикаль команды и подчинения. И еще ставшая уже практически инстинктивной уверенность, что на поле боя спастись можно только командой, подразделением, боевой единицей, а одиночка обречен.

Но здесь и сейчас было поле совсем не того боя, к которому капитан готовился всю свою жизнь. И человек, стоящий рядом с ним на этом поле боя был, пожалуй, едва ли не большим профессионалом, чем сам капитан. Поэтому когда он окинул капитана красноречивым взглядом и, молча повернувшись, двинулся куда-то в сторону, капитан только скрипнул зубами и еще раз повел глазами, окидывая шлюз отчаянным взором. Но едкий дым, совсем уже затянувший шлюзовую камеру, окончательно скрыл от его взгляда оранжевые пятна земных ска-

фандров. Как запоздалые отблески умершего солнца, растаяли в зрачках капитана Епанчина люди в оранжевых комбинезонах. Даже этот неугомонный пресс-секретарь, только что выигравший рукопашную схватку с аборигеном, куда-то исчез. Поэтому капитан стиснул зубы и сгинул в густом сером дыму, который перевивали бурые полосы и низали проблески длинных зеленых искр.

2

Горн, столица Ганахиды (Четвертый уровень Корабля)

Хозяин подземного кабачка подпрыгнул так, что стала видна из-за прилавка его воло-сатая грудь в вырезе мятой желтой блузы. Хозяин был совсем маленького роста, и не помо-гали ни эти дурацкие прыжки, ни ботинки на высокой, пружинящей подошве, за немыслимые деньги купленные у одного храмовника-расстриги, бывшего Ревнителя, приторговывавшего бытовыми секретами Храма. Посетитель смотрел с явной насмешкой на ужимки трактирщика. Произнес хрипловатым баском, в котором звучала ирония:

– Ну-ну, уймись, удалец. Преславный Акил все равно не возьмет тебя в *гареггины*...

– Упаси боги! – осенил себя охранным знаменем хозяин. – К чему ж в гареггины? Даже если б был я высок, строен, быстр? У меня жена и четверо детей.

– Четверо? Ну твоего старшего, я слышал, третьего дня прирезали горячие ребята из числа сардонаров Акила и Грендама. Этим лучше не попадаться, если они не в духе! Да и жена у тебя, насколько я знаю, тоже преставилась, причем довольно давно.

Нельзя сказать, что эта скорбная новость сильно расстроила трактирщика. На его плос-ком, желтоватом лице промелькнуло что-то вроде смутного облачка досады, но тотчас же он смахнул его энергичным движением бровей и заметил:

– Сейчас вообще лучше не высовываться. То ли дело раньше! Все просто, все понятно. Чти законы Благолепия, уважай Храм, бойся Ревнителей. Работай, молись. Все просто, все понятно, – повторил хозяин и снова предпринял жалкую попытку казаться выше ростом. – А потом, когда появился этот Леннар и его Обращенные...

– Что? Ну?.. – склонившись ближе к трактирщику, терпеливо выспрашивал посетитель. – И что – Леннар?

– А ну эти разговоры! – заявил трактирщик. – Очень нужно! Еще чего... Я вообще не люблю таких разговоров. Гареггины многоустого Акила и мудрого Грендама, да продлят боги дни соправителей, скоры на расправу. Не люблю я этих разговоров. Да! От них, почитай, один вред. Живет у нас в квартале Габриг, так он уже пережил трех правителей, двух Стерегающих Скверну, а теперь вот застал и Обращенных, и сардонаров, и, дадут боги, их переживет, и всех нас еще переживет. А почему? А все потому, что в детстве лягнул его осел – и у него отнялся язык. Не люблю болтать! – весомо присовокупил хозяин. – Все беды человеческие из-за не в меру длинного языка. И вообще, произносить длинные речи – это привилегия сильных. Недаром в свое время Храм издал мудрый закон Семи слов, ну по которому простолюдин имел право произносить не больше семи слов зараз. И это совершенно правильно!

– А сколько уже произнес ты, не считал, а, Снорк? – откликнулся посетитель.

– Да ну... Времена изменились. А что это ты такой любопытный? – переменял тон трак-тирщик Снорк и снова подпрыгнул. – А? Кто ты вообще такой?

– Да можешь считать, что никто, – ответил посетитель.

– А раз никто, что ж спрашиваешь? Вон бери блюдо с едой и вино и усаживайся себе за столик, пока я стражу не позвал.

– Можно подумать, что ты для каждого болтуна вызываешь стражу. Ты бы давно разо-рился, стражники-то известные мздоимцы, а сейчас и вовсе распоясались. Особенно те, у кого есть прихват среди влиятельных сардонаров.

– Они все себя влиятельными называют, – отмахнулся трактирщик, – кичатся тем, что мельком видели Грендама или разговаривали с ближними гареггинами многоустого Акила, ну и что? Я же не ору на каждом углу, что в свое время в мой трактир приходил сам великий Акил, когда еще не возвысился...

– В самом деле?

– А то! И не так уж давно это было... тут, в зале, быть может, есть забулдыги, которые сживали вместе с ним за кувшином хорошего вина.

Посетитель почесал в затылке и, качнув головой, пробормотал себе под нос: «Ну что, может, оно и так», взял свой заказ и вразвалочку отправился за столик. Хозяин довольно неодобрительно посмотрел ему вслед и буркнул:

– И чем это все кончится, непонятно... Ничем хорошим. Ничем хорошим... Зиг, где копченое мясо? Зиг, я что, должен сам бегать?

Выглянул Зиг, тощий подросток с круглым лицом потомственного дегенерата, и принялся что-то раздавленно мямлить. Трактирщик Снорк только вздохнул: младший сын явно не годился даже в качестве прислуги, тот, которого третьего дня убили расшалившиеся гареггины, кажется, был посмышленнее. Хотя, сказать по чести, и старшенький был болваном редкостным. Потомство, потомство!.. Трактирщик вспомнил мать своих четверых детей, умершую в прошлом году точно перед городской ярмаркой, словно не могла пожить несколькими днями дольше и избавить его от значительных убытков! Кто может родиться от этой рыхлой женщины с чудовищными, глыбистыми бедрами, с выкаченными водянистыми глазами и бородавкой на складчатом подбородке, от мерзкой, тоскливой бабы, не умевшей даже смеяться? Бессмысленный страх в глазах, складка у рта, эти слюнявые губы, слова неразборчивы, почти мычание... Страх, бессмысленность, вонь... И ведь таких *трактирищиц* большинство. Трактирщик Снорк был в некотором роде философом и любил про себя размышлять о тщете человеческого существования и о том, что мир, обступающий его все теснее и зловоннее, медленно погружается в трясины вырождения. Кровь!.. Только свежая кровь спасет это быдло от окончательного уподобления животным, вот этим тварям, которых он, Снорк, ежедневно разделяет у себя в подсобке здоровенным мясницким топором. И тогда что ужасного в том, что гареггины славного Акила зарубили его, хозяина, сына? И что дурного в том, что эти гареггины, мощные и гибкие парни без следа вырождения на молодых лицах, зарежут еще парочку таких дуболомов, а потом впрыснут семени в какую-нибудь местную дурочку? Трактирщик как-то видел книги, запрещенные Храмом к чтению простыми смертными, непосвященными, и в этих книгах высказывается страшная тайна о том, что сношения между родственниками ведут ко все более больному и бессмысленному потомству.

А что такое окраины Горна? Это котел, в котором на медленном огне варятся роды, сплошь напитанные общей кровью, старой, вялой, унылой. Столпы сословного семейного уклада, предписанного Храмом, не давали плодиться иначе. Да что простые люди?.. Даже короли и правители в своих связях и браках не могли выходить за пределы весьма узкого круга, очерченного хранителями Благолепия, и еще помнят, как полтора века назад родился у правительницы Нижней земли, Арламдора, двухголовый младенец с руками, похожими на лапы ящерицы. Правда, приписали это уродство действию родового заклятия, но начитанный трактирщик-то мнил, что знает причину не хуже посвященных из Храма.

Безнадежно повторив фразу о копченом мясе и убедившись, что в кладовую все равно придется идти самому, он отпер ржавым ключом дверь в подвал и стал осторожно спускаться, нащупывая правой ногой каждую ступеньку из сточенного тысячами шагов тесаного камня. На стене поблескивал мутный фонарик, подпитываемый из корявого «пальца Берла». Когда-то у трактирщика было три таких «пальца», но один был сломан не в меру пытливым младшим сынишкой, а еще один упал в огонь и взорвался, разметав угли и пробив стенку котла. Недаром храмовники запрещали выяснять, как устроены «пальцы Берла», доставшиеся обывателям от их пращуров...

В подвале он зажег простой смоляной факел. Косая полоса света врезала стылое, серое пространство, загромажденное многоуровневыми полками, шкафами, клетями. Хозяин покрутился на месте, припоминая, где что у него хранится, скользнул мимо здоровенной винной бочки с кривым краником и потянул на себя тяжелую дверцу шкафа. Дохнуло холодом, сыро-

стью, потом в ноздри трактирщика влился характерный запах закопченного с травами и приправой мяса. Снорк вытянул из-за пояса большой нож и, крепко взявшись за окорок, уже хотел было оттяпать хорошенький такой кусок, но тут соседний шкаф, высоченный, до самого свода подвала, заметно дрогнул, и с его верхних полок посыпалась древесная труха. Снорк нахмурился. Грызуны? Или расплодившиеся в подземельях города одичавшие псы, которых начали истреблять по приказанию Первого Храма в трех землях, и Верхних и Нижних, еще в ту пору, когда трактирщик был молод и только заделал первого своего ребенка?.. Пробрались и...

Нет, решил он. Все гораздо проще. Конечно, залез сюда кто-то из прислуги или даже нахальный поваренок, который украдкой жрет хозяйские припасы. Ну ничего!.. Трактирщик давно собирался с ним рассчитаться, и вовсе не едой и тем более не денежной платой. Человеческое мясо вкусно и питательно, и многие посетители заведения охотно станут есть блюда, приготовленные из этого поваренка по одному из тридцати семи рецептов. Будут, даже если узнают, что за мясо пошло на приготовление кушанья. В конце концов, человеческая жизнь в последнее время стоит, верно, меньше добротной прожаренной отбивной и куда дешевле, скажем, мясного рулета, приготовленного по-беллонски с острым кровавым соусом. Конечно, по закону, данному соправителями Акилом и Грендамом, употреблять в пищу себе подобных имеют право только сардонары, но... законы для того и существуют, чтобы их нарушать. Ну если узнают, что за мясо... Оно конечно, убьют. Вырежут всю трактирщикову семью, и вся недолга. «Но лучше уж так, – размышлял ушлый Снорк, – лучше пусть так, пусть риск, чемдохнуть от нужды и безденежья, а эти нужда и безденежье точно придут, когда начнешь соблюдать все законы, все указы... Послушание – оно тоже с умом должно быть...»

Умный и хваткий трактирщик Снорк поднял нож, и вот тут шкаф вздрогнул так, что с верхних полок рухнули мешки, а внушительный кувшин с маслом просвистел у самого уха хозяина, с грохотом впечатавшись в холодный пол. Волна вязкой, сладко пахнущей жидкости окатила ноги Снорка до колен.

– Задница Илдыза!.. – выругался он и поднял сначала одну, потом другую ногу, а затем задрал голову и глянул вверх, на полки, с которых продолжала падать многолетняя их поклажа. – Это еще... что за?..

И вот тут шкаф подпрыгнул и практически развалился надвое, а уцелевшие полки стали разом выворачиваться и выпадать вместе со всем содержимым. Хозяин попятился; где-то посередине подвала он навернулся через котелок, скатившийся с верхотуры, и шмякнулся об пол как жаба. Шкаф накренился и, развалившись на несколько частей, осел неряшливой грудой. Там, где еще несколько мгновений назад громоздились припасы и хозяйственные принадлежности, темнел пролом в серой каменной стене. Зазубренные края пролома сочились струями густейшей бурой пыли. Из пролома выдавливались длинные, тягучие звуки на одной ноте, сливающиеся в тоскливый гул. Без страха, скорее с удивлением и смутной досадой смотрел на это трактирщик, который в последнее время отвык удивляться чему бы то ни было, ибо люди, пришедшие к власти в его городе и мире, ничто не считали невозможным, ничто не полагали недопустимым и запретным. Во всяком случае, для себя. Дымный развал стены содрогнулся, словно огромная пасть, подернутая судорогой и спазмом. Польшнула коротенькая зеленая вспышка. Раз, и другой, и третий. Потом затрещало, просыпался сноп искр, и свет, дернувшись, остался ровен и неизменен. Снорк заморгал, из провала в стене один за другим стали выходить люди в диковинных оранжевых одеждах, плотно прилегающих к телу. На некоторых были головные уборы, закрывающие весь череп и примыкающие к воротнику одежд. Вышедший первым высокий, грузный человек средних лет спросил что-то на языке одной из Нижних земель, а потом, присмотревшись к шевелящемуся на полу Снорку, спросил на разновидности ганахидского наречия:

– Где мы? Я верно угадал?

– Горн, – вырвалось у трактирщика Снорка, – это Горн, стольный город Ганахиды. Вы... что вы хотите?

– Мы пока что ничего не хотим, – спокойно сказал неизвестный, в то время как за его спиной возникли еще пятеро. – Ты хозяин? Это, судя по запаху, какая-то кладовая, не так ли?

Снорк тупо смотрел на людей в ярких одеждах, ядовито поблескивающих в полосе зеленого света из пролома. Моргал. Машинально пошарил по полу руками и, нащупав так и ненадрезанный окорок, жадно притянул к себе и впился зубами в ароматное мясо. Жуя, он не мог услышать и тем более понять негромкие, едва уловимые слова одного из «оранжевых», произнесенные на незнакомом языке:

– Ну и урод, черт возьми...

3

Земля, Москва – Байконур.

– Связь пропала.

– Они вошли в контакт?

– Да, несомненно. Не исключено проникновение в исследуемый объект. Хотя, быть может, станция и челнок попросту попали в сферу воздействия силового отражающего поля НЛО и не фиксируются нашими приборами. У нас катастрофически мало внятной информации о корабле пришельцев, так что прогнозировать развитие событий по меньшей мере бессмысленно.

Помощник Президента России по национальной безопасности, заместитель председателя Совбеза генерал Ковригин выслушал этот вывод, который представлялся ему столь же очевидным, сколь и малоперспективным для дальнейшей разработки. Собственно, и связывался он с Центром управления полетами только для проформы, из необходимости немедленно доложить президенту самые свежие новости. Хотя какие тут могли быть новости...

То, что ситуация давно вышла из-под контроля, генерал Ковригин отлично осознавал. Ибо она, эта ситуация, весь сложнейший, многоуровневый расклад по проекту «Дальний берег» вышли из-под контроля еще до того, как корабли (базовая космическая станция и спейсшаттл) стартовали с космодрома. Потому что в развертывание глобального проекта вмешалась сила, которая стандартно, предсказуемо и все равно неотвратимо влезает в жизнь человечества все последние годы. Международные террористы, всесторонне осведомленные и «заряженные» кем-то из глубоко инкорпорированных в проект персон, проникли на территорию секретного Координационного центра «Дальнего берега», базирующегося непосредственно в Москве, и получили полный над ним контроль, а также захватили церковь напротив Координационного центра. С заложниками... Требования были предельно просты: ввести в экипаж кораблей троих террористов. Последствия могут просчитать даже люди, не обладающие особой фантазией...

Главой террористов был человек по имени Абу-Керим.

Размышляя о принципах комплектования экипажа кораблей, генерал Ковригин все чаще хмурил брови. Думается, это мимическое движение было свойственно не ему одному по эту и ту сторону Атлантики, а равно на тихоокеанских рубежах. Стоило ли идти на поводу у отдельных аналитиков, ратовавших за кардинально новые фильтры отбора тех, кому суждена историческая миссия Контакта? Так или иначе, но жребий брошен, как говаривал один любитель путешествовать с шумом и помпой.

– Я думаю, мы находимся в преддверии грандиозного скандала, генерал.

– Вопросы такого уровня все равно решаются на самом верху, – совершенно без выражения сказал Ковригин.

– Но крайними сделают нас. Впрочем, как и наших европейских, китайских, американских коллег, специалистов соответствующего профиля... Однако главную ответственность все равно возложат на Россию. В конце концов, это российский профессор Марк Крейцер, по сути, стал отцом проекта «Дальний берег» и разработал революционные технологии, благодаря которым...

– Российский?

– Вы придираетесь к его происхождению, генерал? Крейцер?... Ну немец или еврей. Хотя его отчество – Иванович. В конце концов...

– Я не о том. Хотя в самом деле имел в виду его происхождение. Он сам рассказал мне об источнике его революционных, как вы выразились, технологий. Он принес их *оттуда*. С орбиты Луны. Он выглядит на пятьдесят с лишним, но на Земле провел только пять лет.

– Вы хотите сказать, что...

– Хочу сказать, что, – мрачно повторил генерал Ковригин. – Его настоящее имя Элькан, и он не имеет к нашему миру никакого отношения. То есть не имел до последнего времени.

Повисла недоуменная пауза. Собеседник генерала осторожно кашлянул и проговорил:

– Вот про время я и хотел бы уточнить... Я всецело доверяю каждому вашему слову, а работа в области космонавтики отняла у меня способность удивляться чему бы то ни было. Но тем не менее вы упомянули, что этот условный Элькан находится на Земле пять лет. Между тем как звездолет пришельцев попал в поле видения приборов относительно недавно, несколько месяцев назад. Так как же?

– Он сам объяснил как. Но не об этом речь. Сейчас у меня плановый сеанс с президентом. Вам, думаю, тоже будет чем заняться там, на Байконуре.

– О, вы не ошибаетесь, генерал, – с горечью ответил его собеседник, затерянный в степях Казахстана.

Часть I Вход

Глава первая Много нового...

1

Горн, Ганахида.

Те из граждан России, кто искренне недоволен существующим миропорядком, ужимками правительства, клоунадой телевизионных прим, сексом в исполнении жены и заочной трепанацией черепа в исполнении тещи, а еще всем тем, что совокупно именуется серенькими словечками «быт» и «повседневность», просто никогда не оказывались в положении гражданина Гамова.

Что является наиболее неприятным при пробуждении? Разумеется, свирепая трель будильника. Одухотворенное лицо жены или, еще хуже, совершенно невнятная женская мордочка со следами явного похмелья на лице и легким флером первого знакомства... Ну наконец – бодун.

Впрочем, все эти – безусловно свойственные русской ментальности – неприятные нюансы иного пробуждения совершенно естественно и непреклонно меркнут перед тем, что обнаружил Костя Гамов, которого угораздило открыть глаза в очаровательном помещении. Оно было затиснуто между двух магистральных стен, шло уступами, площадками длиной метра два каждая. Очень сыро. Между стенами было не больше трех шагов. Они слагались из грубых тесаных камней, впрочем пригнанных друг к другу так плотно, что нельзя было просунуть и кончик ножа. Хотя ножа у Гамова не было, да и, как показали последующие события, он едва ли пригодился бы.

Вход в узилище был перекрыт мощной ржавой решеткой. Гамов, находящийся на последней, нижней площадке, поднял голову на затекшей шее (даже помогая себе рукой) и увидел падающие на прутья решетки размытые тени. Там, за решеткой, стояли двое и беседовали. Со своей позиции Константин едва ли мог разглядеть подробности... Сырые, надтреснутые слова на незнакомом языке падали одно за другим.

Гамов поднялся на ноги и, взобравшись на следующую площадку, ощупал свой изодраный скафандр, который сорвали с него при транспортировке в это уютное местечко с мокрыми каменными стенами, воссоздающими в памяти картонные ужасы детских аттракционов-страшилок. Скафандр был пробит в нескольких местах. Оранжевый же комбинезон, который положено надевать поверх скафандра, был разрезан на несколько неровных полос, залит чем-то едким, мерзким, определенно напоминающим по запаху нашатырный спирт, но с тошнотной кисловатой примесью. Гамов осторожно наклонил голову к правому плечу, и в мозгу шевельнулась застоявшаяся, тугая боль. Тяжелая, неповоротливая, как от удара массивным, тупым предметом.

На самой верхней площадке, той, что была ограничена ржавой решеткой, стоял большой чан из тускло поблескивающего серебристого металла. По стенке котла стекали мутные блики. На внушительную посудину был наброшен полог черно-белой полосатой ткани, который, однако, не закрывал всего чана, оставляя открытым небольшой прогал темного пространства.

Именно из этого не затянутого тканью прогала высовывалась почти белая рука, неподвижно зависшая на краю чана. Длинные, тонкие пальцы, как у пианистов. Стылая синева под ногтями, припухлости на запястье, схваченном, как браслетом, засохшей стружкой крови.

– Так... Нормально вчера погуляли, – неопределенно сказал Константин, поднимаясь еще на одну площадку выше и рассматривая и мертвую руку, и – на серебристой стенке котла – мутное собственное отражение с непомерно раздутой, словно флюсом разнесенной, правой щекой и дико выпученным правым глазом; в то время как левая половина лица ввалена и тоща, будто на средневековых гравюрах, дающих краткий экскурс в ад. – Это... интересно, кто это там?

Ответа на этот риторический вопрос, как и следовало ожидать, не последовало.

Если, впрочем... не считать ответом то, что белая кисть едва заметно дрогнула и скрюченные пальцы беззвучно проползли по краешку чана. Гамов невольно закрыл один глаз, вторым взглядывал быстро и мутно, как пугливый подросток на просмотре жутковатого японского ужастика, слабо адаптированного под европейскую ментальность.

По лбу Гамова потекло несколько холодных струек пота. Пота? Или же все-таки капнуло с потолка? Так или иначе, но он вытер ладонью увлажнившееся лицо, лихорадочно перебирая в голове подробности того, что произошло в шлюзе.

– Нормально вчера погуляли, – повторил он, – остальные, наверно, еще отдыхают...

И вот тут Гамов прикрыл рукой глаза, и встало перед мысленным взглядом короткое, яркое, жирно подтекающее зеленоватым дымом видение: человек в длинных одеждах, испачканных кровью, в перекосившейся лицевой маске. Темные волосы выбиваются из-под шапочки, сработанной из мелких металлических колечек, волосы спутанны и влажны. Человек вываливается на Гамова, кажется, прямо из разваливающегося и набухающего дымного столба, его глаза пронзительны, темны и тревожны, а в руке опадает каплями крови длинный темный клинок – и что, ЧТО остается делать землянину на арене этой бойни, где жизнь и кровь рсточаются так щедро, так дешево...

Кисть снова дернулась. Теперь Гамов знал совершенно точно, что нет, не показалось. Эта рука принадлежит не трупу, еще не трупу.

Любопытство губит человека. Но, с другой стороны, именно любопытство стало катализатором множества открытий, без которых человеческую цивилизацию сейчас невозможно и помыслить. Некоторое время Костя Гамов стоял на месте, снедаемый нервной дрожью. Он крепко стиснул челюсти и замедлил дыхание, так что стали ощутимы и слышны удары сердца. Потом он приблизился к чану и прикоснулся сначала к его стенке, а потом к полосатому черно-белому пологу. Досчитал до десяти. Заораживающе мягко, приятно кружилась голова. Гамов подумал и сосчитал дальше – сначала до двадцати, потом – медленно, с гулками паузами, за время которых проскакивало по три-четыре содрогания сердечного мешка, – до двадцати пяти.

И потянул полог.

Впрочем, не успел он разглядеть, кто лежал на дне чана, как загремела та самая ржавая решетка, вытягивая из отверстий в стене длинные, как клыки хищника, острия. Гамов вскинул голову. В проеме появились двое. Сейчас Константин имел полную возможность разглядеть здешних гостеприимных обитателей. Эти двое, очевидно, принадлежали к сливкам местного общества и представляли персонал тюрьмы. Оба были хороши. Обо всем этом свидетельствовали их плоские темные рожи, на которых красовались желтоватые, цвета сильно разведенного водой светлого пива, глаза, толстые, размазанные на пол-лица носы, плоские же серые губы (верхняя вздергивается при малейшем мимическом движении и открывает желтые зубы; зубные ряды фрагментарны и зияют щербинами). Одеты красавцы в грубой ткани серые штаны и накидки чуть выше колен. Накидки перетянуты плетеными веревочными поясами. Голова одного из парочки перетянута кожаным ремешком, на котором оттиснуты какие-то красноватые значки. Вид у обладателя ремешка куда более гордый и независимый, чем у его напарника.

Костя Гамов мог бы предположить, что единственная сработавшая из кожи деталь туалета придает некий статус, отличный от положения простого смертного. Однако никто не соблаговолит выделить ему время на такое предположение – его взяли за руки и потянули за собой. Гамов, в студенческой молодости как-то раз угодивший в КПЗ по возмутительному недоразумению, ожидал, что эти малорослые (ему по плечо) и желтоглазые товарищи будут грубо и злобно указывать землянину его жалкое и незавидное положение, – но напрасно. Ничего подобного... Желтоглазые были сдержанны и спокойны, даже скованно-спокойны, на Гамова поглядывали скорее с любопытством... Константин отметил также, что, проходя мимо чана, откуда высывается эта страшная, белая и уже замершая, снова обездвиженная рука, они как-то приседают, словно стараясь казаться еще меньше, и вжимают головы в широкие костистые плечи.

На выходе из подземного узилища стоял третий. Этот был *другой*, и хватило одного взгляда, чтобы уразуметь это. Третий был высок, ростом не ниже Гамова, с почти детским лицом и очень нежной кожей, перламутрово переливающейся изнутри. Гамов видел таких же – быстрых, смуглокожих, пластичных, с движениями одновременно плавными и рвано-хищными – там, в шлюзе. Те, что передвигались на гравиплатформах; те, что смеялись, получая безусловно смертельные раны и корчась уже на земле...

Желтоглазые недоделки подтолкнули Гамова к смуглолицему. У того были большие неподвижные глаза и отсутствующий взгляд. Он впустил в эти глаза, в расширенные зрачки отражение Костиного лица и, помедлив, застыл. Облизнул губы нежным розовым языком. Потом раздвинул углы рта в улыбке, которая может означать решительно все что угодно: презрение, иронию, любопытство. Все, кроме страха. Глядя на это нежное, полудетское лицо, на высокие, красивые скулы и темные глаза, Гамов вдруг подумал, что страх несвойствен этому типу, который, верно, не совсем в себе. Быть может, под воздействием препарата соответствующего профиля?

Смуглолицый что-то сказал – коротко, негромко, отрывисто. Желтоглазые тотчас выхватили из-под одежды короткие, грубо выделанные клинки из тусклого темно-желтого металла и, вскинув их в полусогнутой правой руке на уровень лба, с двух сторон приступили к Гамову. Глядя в мускулистую спину смуглолицего, Константин проследовал длинной галереей с темными нишами по левую руку и маленькими, забранными редкой решеткой окнами под потолком, по правую.

Он не сразу понял, что вышел из здания под открытое небо. Да и само *открытое небо* – голубовато-серое, с тускловатыми прожилками и тяжелыми, угловатыми, напоминающими куски прессованной глины облаками, – так не походило на небесный купол Земли. Гамов обернулся, меряя взглядом низенькое здание с полуобвалившимся фасадом и невнятной дырой прохода, из которого его только что вывели. Лепная бахрома пущенных по балкам и карнизам украшений, траченных временем и людьми, выглядела откровенно жалко. Как единственный кариевый зуб в гнилой пасти нищего, торчал над западающей крышей здания шпиль, по бокам которого висели неподвижно два полуразложившихся трупа. Очевидно, архитектурная эстетика здешних мест вполне допускала такие стихийные вольности...

Гамова подтолкнули к повозке, запряженной двумя... лошадьми?.. Животные, впряженные в это, с позволения сказать, транспортное средство, определенно напоминали земных лошадей, однако были ниже, мощнее, обладали более короткими ногами и увесистыми крупами, а приплюснутые зубастые морды определяли некое сходство с земными рептилиями. Однако это были, без сомнения, лошади, и использовали их как тягловую силу. Бежали они, впрочем, настолько резво, насколько позволяла чудовищная дорога, что-то среднее между мостовой и канализационным стоком, по которому непрерывно текла и журчала дурно пахнущая жидкость. К запаху этой жидкости примешивался еще один, сладковатый, тошнотворный, и Гамов, насторожив свою память, попытался угадать, вспомнить, что же это за знакомый запах.

Вспомнил. Давно это было... Летом, после окончания первого курса, когда Константин подрабатывал в похоронном агентстве. Очень забавное было то трудоустройство. Масса впечатлений. Одно из впечатлений – первое посещение морга, где в воздухе стоял вот такой же сладковатый трупный запах, перемежаемый острыми парами медикаментов и химикалий.

В повозку к Гамову сел и смуглолицый. Его лицо казалось вырезанным из твердой породы дерева. Удивительная бедность мимики!

Маршрут поездки с сопутствующими достопримечательностями разглядеть было невозможно, так как, сев напротив Константина, парень с полудетским лицом задвинул за собой решетку и энергичным движением спустил на нее полог. При этом под нежной кожей перекатились такие мускулы, что у Гамова отпало всякое желание противиться судьбе или хотя бы обозначать сопротивление. Ну даже в теории.

Тряска продолжалась около десяти минут, по оценке Гамова – хотя он сомневался, уместно ли тут применять земные величины.

О том, ГДЕ он находится и ЧТО произойдет с ним в ближайшем будущем, которое уже не рискнешь промерить земными единицами, он предпочитал не задумываться.

Тряска и подпрыгивание на ухабах прекратились, и затянутая решеткой повозка с земным гостем остановилась. Смуглолицый откинул полог, оттянул задвижку, и створка, сыто поблескивающая темной смазкой, отошла, давая проход наружу. Гамов увидел весьма просторную площадь, посреди которой высилось нечто темное, громоздкое, очертаниями напоминающее пирамиду. Со всех сторон площадь была обнесена строениями. Смуглолицый поднял руку, указывая на высящееся прямо перед ними здание с тремя купольными башнями, с резными несущими колоннами и живописной аркадой, на которой были разложены огни. С фасада здание было обнесено крытой галереей, по которой двигались – словно в заданном ритме и согласно амплитуде – люди в одеяниях темных и полосатых, с покрытыми головами и с лицами, перехваченными масками.

У входа в колонную галерею, завершенную фронтоном, в свете двух мощных факелов вытянулись двое смуглокожих атлетов, похожих на того, что сопровождал Гамова, как родные братья. Нет, у них не было столь значительного сходства черт, но какая-то запрограммированность внешнего облика, отсекающая все лишнее и не дающая места фантазии, делала этих людей похожими как два восковых слепка с одного и того же ключа.

Оставалось узнать, какие двери открываются этими ключами.

И стоит ли вообще входить...

Впрочем, мнения Гамова никто не спрашивал, и уже через пару минут и две сотни шагов оказался он на той самой открытой галерее, освещенной такими же факелами, что и на входе. Среди множества людей в темных и полосатых одеждах... Под взглядом рыжеволосого человека, который стоял, положив руку на искусно изваянную желтую статую какого-то нелюдя, своим купольным затылком доходящую рыжему до пояса.

Гамов сразу же, пуганым диким инстинктом, понял, что этот рыжеволосый тут главный. И кажется, именно его видел он в шлюзе во время того скоротечного боя, и именно этот человек с рыжими волосами, обтекающими характерное лицо с точеным носом, тяжелыми надбровными дугами, применил оружие, похожее на хищного электрического ската.

Смуглолицый, приведший Гамова, склонился перед рыжеволосым и бросил короткую гортанную фразу, оканчивающуюся словом «Акил». По тому, как оно было произнесено, землянин угадал, что это имя рыжеволосого.

Акил.

– Ты свободен, Таэлл, – произнес многоустый Акил, тот, кто шествует рядом с пророком, один из Двух, предводитель сардонаров. Нет смысла перечислять все титулы рыжеволосого, ибо они наслаивались по мере его свершений, а равно и досужей молвой и добирали в своем числе практически каждый день. – Иди, гареггин.

Тот, кого он назвал гареггином Таэллом, отошел на несколько шагов и, став спиной к колонне, замер как изваяние. Рыжеволосый Акил уставил в Гамова неподвижный взгляд. Наверное, у них у всех такая манера гипнотизировать взглядом гостей и замирать в жалком подобии мхатовской паузы. Даже слова, произнесенные на этом языке, тягучие, вязкие, как строительная замазка. Единожды испачкав в них язык, уже, верно, не хочется разевать рот, так что неудивительно, что они все тут такие молчаливые и сдержанные, подумал Константин.

И тут произошло самое забавное. Рыжеволосый Акил поднял руку, сломав неподвижность этой живой скульптурной композиции из двух или трех десятков людей, и все они разом рухнули на пол, широко разбросав руки и ноги и до отказа выгнув шеи, – так что прямо к Гамову обратились все лица, совершенно неподвижные, белые и темные. Сам Акил опустился на одно колено, то же сделали и смуглолицые парни в узких кожаных, тесно шнурованных на щиколотках штанах. Акил шевельнул поднятой вертикально ладонью, и один из гареггинов поставил к ногам Гамова чашу, похожую на лепесток цветка и едва заметно покачивающуюся. В ней была тягучая темная жидкость, пахнувшая свежо, остро, дурманяще. Избавившись от чаши, гареггин многоустого Акила снова опустился на одно колено и замер как часовой.

Рыжеволосый произнес медленно, напевно:

– Йэлланал кам тьерро уст, сайлем Ленннааар!

Когда он почти пел последнее слово, лежащие люди опускали головы, припадая лицами к полу.

– Они что... как будто поклоняются мне? – вырвалось у Кости Гамова, которому словно вложили в голову заранее заготовленное, вполне уже сформировавшееся объяснение того, что происходит тут, в этом здании с колоннами.

И стоявший напротив землянина гареггин, тот, что подавал чашу-лепесток, хоть и не мог понимать слов Константина, наклонил голову, будто в знак согласия...

2

– Такой грязи я не видел даже в подземном гараже, где мой тесть держит свой древний «крайслер», – заявил нанотехнолог Хансен, за то небольшое время, что члены экипажа были вместе, уже успевший прославиться своим несносным характером. Теперь возможности для проявления всех наиболее чудовищных черт этого характера были поистине безграничными.

– Да ладно, – по-русски возразил ему капитан Епанчин, – ты, друг, еще не видел гаражного кооператива в Мытищах, где стоит ржавая «победа», до сих пор записанная на мою тещу. Так тут на фоне тамошних реалий вполне себе ничего. Конечно, внутри такого солидного НЛО, размером едва ли не с пол-Европы и уж заведомо больше Мытищ, ожидаешь увидеть что-то поприличнее, чем вот этот подвал и вот этот опухший хозяин-карлик... Воняет от него – да-а-а!

– Кес ке се – Митиссчи? – прозвучал высокий голос, звонко и с расстановкой выговаривающий каждое слово.

Франкоязычный член экипажа, как и положено приличному и чрезвычайно политкорректному французу, был родом с острова Мартиника. Повторимся, француз был настолько политкорректен, что являлся, собственно, француженкой. У мадемуазель Элен-Николь Камара была отличная стройная фигура, в настоящий момент неузнаваемо изуродованная скафандром и комбинезоном, крупные белые зубы и большие невыразительные, чуть навывкате, глаза, унаследованные Элен от прабабушки, занимавшейся заготовкой сахарного тростника на плантациях.

Этот разговор происходил в запертом наглухо подземном трактирчике Снорка, откуда тот, по предварительному требованию людей в оранжевом, выставил всех посетителей. Землянам в самом деле требовалось время перевести дух, собраться с мыслями, подкрепиться,

обработать раны. Впрочем, о последнем пункте можно было заботиться не особенно серьезно, так как все те, кто удрал с бойни в транспортном шлюзе, отделались царапинами и травмами больше морального свойства. Хотя – при одном взгляде на тотальную антисанитарию, царящую в славном заведении Снорка, – никто из пятерых беглецов и не заикнулся о том, что можно пренебречь медпомощью...

Космонавты уписывали копченое мясо под осоловелым взглядом хозяина Снорка, нервно курсирующего от стойки к стене и обратно. Несносный Хансен даже запил трапезу вином и тотчас же объявил, что большего дерьма ему пить еще не приходилось.

– Да и мясо какое-то странное, – присовокупил он. – Неудивительно, что этот тип такой серый, с желтыми глазами. У него наверняка несварение желудка от этой дикой пищи.

Других, однако, заботили не только проблемы пищеварения.

– Вы обещали рассказать нам, что к чему, профессор Крейцер, – сказал капитан Епанчин. – Тогда было не время, но сейчас, как мне кажется, пора...

– Я все-таки прошу говорить по-английски, на языке, который понимают все, – немедленно потребовала госпожа Камара.

– Резонное замечание, – сказал Элькан.

– И еще о языке. Откуда вам известен язык, которым, так сказать, пользуются здесь? – добавила темнокожая француженка.

– Именно об этом я и хотел рассказать, прежде чем мы двинемся отсюда, – отозвался тот, кого они называли Крейцером. – Буду краток, так что без предисловий. Мое настоящее имя Элькан. Вы люди, которые приучены не удивляться даже фактам, выпадающим из любых причинно-следственных цепочек, проще говоря, тому, что у обывателей именуется чудом. Так что вы легко усвоите тот факт, что я – сын *этого* народа, этой цивилизации.

– Ничего себе у вас предки, Марк Иванович... – пробормотал капитан Епанчин.

Остальные предпочитали хранить молчание.

– Ну скорее потомки, а я и мое поколение являются их далекими предками. Пока не стану разъяснять вам этот очередной парадокс, вы и без того, кажется, перегружены, друзья мои, – невесело усмехнулся профессор Крейцер, он же Элькан. – Пока что нам стоит перекусить как следует, потому что в этих местах непонятно, когда ты плотно потрапезничаеть в следующий раз. И вообще приведется ли такая возможность.

Уцелевшие члены экипажа угрюмо молчали. Собственно, после того что произошло в шлюзе, любые заявления профессора Крейцера представлялись малозначимыми. В конце концов, это лишь слова. Слова, которые вошли в уши пяти спасшимся, в то время как судьба всех прочих непонятна, а равнодушное словечко «прочие» вмещает в себя сорок четыре человека! Это люди... Россияне, китайцы, американцы, британцы, израильтяне, немцы, французы; христиане, мусульмане, иудеи, буддисты; ученые – физики, химики, астрономы, биологи, медики, лингвисты, психоаналитики, иные... Люди сплошь увлеченные, знающие, неповторимые, отобранные из всего человеческого рода, по собственной воле оторвавшиеся от Земли и ищущие каждый свое... И даже то, что среди этих сорока четырех пропавших два террориста, пополнивших число избранных под угрозой теракта, ничего не меняет.

Элькан не стал продолжать. Не время. Не время... Каждым его спутником сейчас нераздельно владели опустошение и ровный, бессмысленный гнет неопределенности. Элькан вздохнул и, подтянув к себе блюдо с увесистым куском копченого мяса, стал есть торопливо, жадно, запивая мелкими глотками вина, которое уже успел обругать балованный американец Хансен. Впрочем, этот напиток обладал тем хорошим свойством, что – при дурном вкусе и довольно специфическом, не сказать скверном, запахе – после второго или третьего глотка начисто приглушал ощущения и потреблялся без усилия, а послевкусие можно было назвать даже и приятным. Ко всему может привыкнуть человек. Так что на пятнадцатом глотке Элькан откинулся на спинку потемневшей от времени деревянной скамьи и произнес:

– Так. Кажется, уже лучше... Я, когда нервничаю, вообще много ем.

– Боже, и ведь у меня диета! – вырвалось у мадемуазель Камара, изо рта которой торчал кусок мяса умерщвленного животного, родившегося за сотни тысяч километров от Мартины, Африки и Франции. – Это в самом деле ужасно. Говорите же, господин Крейцер, или как вам угодно, чтобы вас звали? Вы, если сказанное вами правда, наверное, должны иметь некоторые наметки к дальнейшим действиям. Дорогу сюда вы ведь нашли довольно скоро...

– Чем, возможно, и спас нас, – негромко выговорил человек, который все это время хранил молчание. Его глаза были полуприкрыты темными веками, а массивный подбородок выбрит до синевы.

Абу-Керим.

Мадемуазель Камара оглянулась на него быстро, нервно, прошипела что-то сквозь зубы, но более внятно озвучивать свою гневную мысль не стала. Все припомнили невнятные, фрагментарные подробности побега с места бойни в шлюзе. Выхлестывающие отовсюду клочья тумана, все смыкающиеся, густеющие. Душное пространство, сотканное из бессвязных воплей ярости и ужаса, из натужного сопения и из треска костей, а еще из пущенного поверх этого звериного боевого клича, в котором нет уже ничего человеческого. Плеск огня и языки пламени, вырывающиеся из плазмобоев-«скатов». Непонятно, кто и с кем дерется, кто кого убивает, не говоря уж о такой малости, как причина кровопролития... Профессор Крейцер орет во всю силу своих легких, пытаясь созвать землян, которых расшвыряло по всей немаленькой площади транспортного шлюза. Отчаявшись вызволить всех, увлекает за собой немногих откликнувшихся и лезет по вертикальной лестнице, идущей по стене тоннеля. Арочный проход, анфилада каких-то помещений, уводящих от шлюза, затем тусклая шапка люка, отъезжающая в сторону по резкому крику Крейцера, и никто не думает, откуда тот знает дорогу и отчего чужая аппаратура реагирует на его голос. Крейцер наскоро осматривает своих немногочисленных спутников и по одному запускает их внутрь внушительного цельнометаллического сфероида размером с железнодорожную цистерну. Сфероид, как оказалось впоследствии, находится в жерле транспортной шахты, по которой земляне и переправились подальше от смертоносного шлюза – куда-то в глубь гигантского звездолета. Судя по растерянному лицу профессора Крейцера, точного маршрута на тот момент не знал и он.

Теперь, воссоздавая в памяти все эти факты и собирая их хотя бы в относительное подобие цельной картины, капитан Епанчин, нанотехнолог Хансен, Элен Камара и блудный сын планеты Земля террорист по имени Абу-Керим предпочитали либо молчать, либо ограничиваться коротенькими, ни к чему не обязывающими фразами. Впрочем, нет, фраза Абу-Керима о том, что Крейцер всех их спас, как раз стала той первой, что обязывала к благодарности. Это как минимум...

– Некоторых спасти не следовало, – процедил сквозь зубы Хансен.

Абу-Керим, уроженец России, гражданин Франции, знал и английский язык, однако никак не показал, что понял слова американского астронавта.

– Ладно, – произнес Элькан примирительным тоном, – не время сейчас... Этот крысенок, хозяин, уже сейчас смотрит искоса, мы начисто перекрыли ему приток клиентов, а сами, как он, верно, уже понимает, платить не собираемся – нечем. Доллары не предлагать, – чуть повысил он голос, видя, что Хансен открывает рот. Хотя тот, конечно, и не думал предлагать ничего подобного...

– Что нам следует делать? – отрывисто спросил Епанчин и, помедлив, сам дал один из вариантов ответа: – Мне думается, что прежде всего нужно предпринять любые сколько угодно рискованные меры по спасению наших товарищей. А еще нужно найти способ связаться с Центром. С Землей, черт возьми!

– Вы же сами видели, капитан, что связь пропала тотчас же после того, как мы вошли в транспортный шлюз, – сказал Элькан. – Как отрезало...

– Но существуют, в конце концов, способы ее восстановить.

– Пока что мне рисуется только один, – сказала мадемуазель Камара, – нужно вывести корабли из шлюза. А это противоречит задачам нашей экспедиции. Мы же тут для того, чтобы установить Контакт. Мне вот отчего-то не очень верится, что мы посреди космического корабля. У моего деда в Лионе был подвал, где он хранил старый холодильник, древнюю швейную машинку прабабушки и еще кучу старого хлама, так вот тот подвал был гораздо чище и цивилизованнее, чем место, где мы сейчас находимся. Какая-то жуткая, неадекватная иллюзия!

– Это не иллюзия, – сказал Элькан и поджал губы, – и я бы рад был верить, что это лишь иллюзия и что она рассеется, как только...

– Как только, так сразу, – буркнул капитан Епанчин. – Что же, этот корабль несет в своих недрах целую цивилизацию? И судя по запаху – цивилизацию вырождающуюся? Вон какая тупая и плоская рожа у хозяина!

– Я думаю, наш медик и спец по генетике доктор Саньоля дал бы более точное заключение, – заметил Хансен.

– Саньоля сейчас с нами нет.

– Потому я и говорю, что наш спец по генетике дал бы более точное заключение! – воскликнул Хансен. – Выводы, я думаю, сделать несложно. Впрочем, я тоже понимаю в медицине и генетике довольно, чтобы сделать именно такие выводы...

– Делать выводы можно только тогда, когда есть информация к размышлению, – дидактично откликнулся Элькан. – Так что послушайте меня. Мы находимся в Горне, главном городе Ганахиды, государства, базирующегося на Четвертом уровне Корабля. Всего таких уровней восемь.

– Восемь? Один над другим?

– Да. Сверху вниз: Эристон; Гелла, которую также называют Немой страной; Беллона, или страна Сорока Озер, очень суровое местечко; Ганахида, земля, в которой мы сейчас находимся; затем – Арламдор, Кринну, Согдади, ну и, наконец, Восьмой уровень – Эларкур, так называемое Дно миров, чудовищное место, надо сказать... В свое время там произошла техногенная катастрофа, благо там рядом находятся блоки основной и резервной энергосистем Корабля, так что Дно миров, да что Дно, и все остальные земли тоже легко отделались, да...

– Как же так вышло, профессор, что у такого роскошного содержащего такое ничтожное, трухлявое содержимое? – потрясающе сформулировала Элен Камара. – Или, иначе говоря, как все вышло? Ведь...

– Ведь нынешние обитатели Корабля не то что в состоянии выстроить такое чудо, но и сносно содержать его в эксплуатации, – закончил Элькан. – Все очень просто. Если придется, то вы всё увидите собственными глазами, ведь в Центральном архивном хранилище сохранились подлинные памятные записи с Леобеи.

– Ваша коренная планета называлась Леобей?

– Да. Именно так. Эта планета была очень похожа на вашу. Сейчас ее уже не существует. Были причины... – Элькан прикрыл глаза. – Были причины, по которым в результате планета погибла. Это происходило долго, мучительно, у нас оставалось еще время, чтобы попытаться спасти людей, но прежде следовало убедить большую часть населения, что опасность велика, неотвратима и что покинуть планету – единственный шанс на спасение.

– А что произошло? – быстро спросил капитан Епанчин, не глядя на Крейцера-Элькана.

– Очень просто. Звездная система, в которую входила наша планета, вошла в поле тяготения соседней. Взаимодействие двух мощнейших гравитационных и электромагнитных полей привело к тяжелым последствиям. Мы покинули планету на ранней стадии разворачивающейся катастрофы, поэтому то, что произошло с Леобеей, можно только прогнозировать. Я застал только увеличившуюся на несколько порядков плотность метеоритных потоков, взвинтившу-

юся сейсмоактивность, а равно активность тектонических процессов в коре планеты. Серьезные изменения приливов-отливов. Появление новых действующих вулканов – каждый день на поверхности Леобеи, как нарывы, как фурункулы, проклевывались новые... Что происходило на планете, вам не представить... На Земле такого еще не было и, верю, не будет. Даже применение ядерного оружия не даст такого чудовищного надлома в жизни цивилизации.

– А на поздних стадиях катастрофы?.. – начал капитан Епанчин.

– Могу попытаться угадать. Тем более что Леобея погибла больше тысячи лет назад... Скорее всего, была сбита ось вращения и изменена орбита планеты. Убийственное изменение климата в ту или иную сторону – потепления ли, похолодания – так или иначе привело к исчезновению всего живого. Разве, быть может, в океанах уцелела какая-то жизнь, и то на уровне самых примитивных ее форм. Не исключено, что и самих океанов уже нет. Собственно, вариантов развития ситуации масса, но только один момент неизменен: то, что процессы, протекавшие тогда на Леобее, несовместимы с высокоорганизованной жизнью.

– О том, как вы попытались спасти, я, кажется, уже догадываюсь, – подал голос Абу-Керим. – Наверное, собирали на орбите вот эти гигантские летающие гробы и выводили туда людей. Наши вот тоже на орбите готовили станцию... Только масштабы несопоставимы.

– Наверное, у жителей Леобеи не было такого мерзкого человеческого фактора, как ты и твои головорезы, – высказалась нетерпимая мадемуазель Камара.

– А мне кажется, что человеческий фактор, даже такой, как вы выразились, мерзкий, имеет место всегда, – в тон ей откликнулся Абу-Керим по-французски. – Человеческая природа одинакова...

– Как ни печально, но вы правы, – строго выговорил Элькан. – Хозяин Снорк, я же сказал не трогать запоры на дверях! – рывкнул он на трактирщика, который продолжал нервно курсировать по помещению и время от времени приближался ко входной двери, в которую уже несколько раз стучали и даже ломались особо нетерпеливые поклонники местной кухни. – Вы правы, – повторил он, не глядя на угрюмого Абу-Керима, на губах которого блуждала неприветливая усмешка. – В самом деле, человеческий фактор имел место... На Леобее существовали государства так называемого Лиракского пояса, где господствовала фундаментальная религия Купола, обожествляющая небо и космос и налагающая запрет на всякое исследование атмосферы и тем паче космического пространства. Корнями религия Купола уходила в старые представления о небесной пракатастрофе, выбившей цивилизацию древних леобейцев. Пракатастрофа, – скорее всего, падение гигантского метеорита... Как на Земле в мезозое, в конце мелового периода, когда вымерли динозавры, с той только разницей, что на Леобее ко времени пракатастрофы уже существовала человеческая цивилизация, оставившая память и сохранившая ужас перед этим, с позволения сказать, *гневом небес!* – Элькан скрипнул зубами. – С тех пор в религиозных построениях служителей Купола существовал так называемый День Гнева, и таковыми они и объявили приближающуюся планетарную катастрофу. Как сейчас помню речения этих мракобесов, хотя о них не пристало говорить плохо, они давно уже стали землей погибшей Леобеи, много веков тому назад... – пробормотал Элькан и опустил голову.

– Я смотрю, вы, с Леобеи, тоже чувствительная нация, – сказал Абу-Керим. – Воспоминания подступают к горлу... Так что же с государствами Лиракского пояса и их фундаментальной религией Купола?

– О, там были особые люди! Прежде всего они объявили спасительный проект ненужным и бессмысленным делом, развели паутину теологических споров и оказали серьезное противодействие светским государствам, которые и вели строительство на орбите. Доходило до прямого военного столкновения... Конечно, страны Лиракского пояса не располагали таким вооружением, как Алтурия или Рессина, и большую войну несомненно проиграли бы... Но в Кканоане, столице Лирака и духовном центре религии Купола, умные люди сидели. Они понимали, что руководство проекта «Врата в бездну»...

На губах Абу-Керима промелькнула улыбка. Он сказал:

– Проект именовался громко и основательно...

– Громко и основательно: «Врата в бездну», – повторил Элькан, не глядя на землянина. – Так вот, духовные лидеры кканоанского Купола понимали, что руководство проекта и поддерживающие его правительства светских стран никогда не пойдут на широкомасштабные военные действия. Не до того. И так гибло слишком много людей. Голос Кканоана вещал о Дне Гнева, о том, что нужно смириться, отбросить все достижения цивилизации и вернуться к истокам, жить просто и богобоязненно и принимать смерть без страха, потому что чем мучительнее смерть, тем полнее освобождение. Собственно, слова служителей Купола ложились на щедро удобренную почву, да, взрыхленную и удобренную страхом. Легко быть убедительным, когда рушатся города, когда океаны выходят из берегов и заглатывают земли, когда извергаются сотни доселе не зафиксированных действующих вулканов. Когда земля разверзается под ногами. Когда не видно солнца из-за вулканического пепла, поднявшегося в атмосферу. Надеюсь, у вас будет возможность увидеть все собственными глазами. В записи, конечно... – поспешно добавил Элькан и вот тут взглянул на Абу-Керима. Тот, наклонившись вперед, к столешнице, жевал.

– И чем закончилось противостояние? – живо спросила Элен Камара, на лице которой сложно было заметить какие-либо эмоции от услышанного.

– Естественно, предательством. Духовные отцы из Кканоана и сам Предстоятель Зембер, однако же, были всего лишь смертные люди, а умирать никому неохота. Тем более в муках, которые, как говорилось, делают освобождение более полным... Они попросились на борт одного из звездолетов спасательного проекта.

– И...

– Их взяли.

– Из милосердия, конечно, – сказал Абу-Керим. – Из человеколюбия и еще потому, что и *мракобесы* имеют право на раскаяние и в конечном счете право на жизнь. А когда жрецы этого вашего Купола оказались в безопасности на борту звездолета, они развернули бурную деятельность и, верно, вызвали раскол среди спасшихся. Правильно?

– Совершенно верно, – подтвердил Элькан, судя по всему несколько подавленный этими словами землянина. – Руководство проекта погибло от эпидемии, искусственно вызванной отцами Купола, из лидеров уцелели немногие, очень немногие. Власть перешла к людям из Кканоана. И эта власть до последнего оставалась у Храма Благолепия, правопреемника тех, первых служителей Купола. Под руководством Храма те, кто спасся с Леобеи, и дали вот такое чудное потомство. Ну вам уже привелось познакомиться. Кстати, те, что вы видели, еще ничего. В пределах этого, как выразился Абу-Керим, летающего гроба водятся существа и пострашнее. Думаю, рано или поздно, но всем вам доведется их увидеть.

– Нормальный экскурс в древнюю историю народа, – заметил капитан Епанчин. – Судя по роже хозяина, он и его предки тут особо не скучали. Размножались, молились, резали глотки, вырождались.

– А при чем тут резанные глотки? – поджав губы, спросила француженка.

– Да так... Ни при чем. Просто под соседним столом труп лежит. С перерезанной глоткой. Но, наверное, по местным понятиям это мелочь.

– Ох! – всплеснула руками Элен. – В самом деле!

Элькан отозвался:

– Ну человеческая жизнь здесь в последнее время удивительно дешева, так что ничего особенного, вы правы, Епанчин. Не волнуйтесь, Элен. Этот труп тут, быть может, не первый день лежит.

– Да уж, воняет тут зверски, – заметил Хансен. – Не мешало бы попрощаться с этим радушным хозяином.

– Да? А куда же вы в таком случае намерены двинуть, уважаемый? Вы не имеете представления о том, где находитесь. С кем находитесь. Цели не обозначены, перспективы туманны. Довольно для того, чтобы вы поумерили прыть?

Хансен что-то проворчал себе под нос и вытер ладонью влажный лоб. Капитан Епанчин поспешил внести ясность в намечающийся пунктиром конфликт:

– Еще не хватало между своими... Хватит. А что же предлагаете вы, профессор Крейцер?

– Дождаться темноты и только тогда выйти в город. Правда, с наступлением темноты мы можем найти неприятности, которые отсутствуют днем... но... У нас нет возможности выбирать! Разве что между плохим и очень плохим...

Епанчин бросил:

– Темнота? Тут бывает темно?

– Что вас удивляет, капитан? Климат-системы корабля, установленные и запрограммированные еще на орбите Леобеи, работают на точное воспроизведение планетарного климата. А равно и воспроизводят чередование дня и ночи, смену сезонов, холодного, теплого и переходных. Конечно, многие из природных явлений пришлось отсечь за ненадобностью. Различные атмосферные явления...

– К примеру, молнии.

– Вот именно. Увидите собственными глазами, – в который раз повторил Элькан.

Епанчин, который в продолжение всего рассказа человека с Леобеи не отрывал от него внимательного взгляда, зашевелился, под ним закряхтела скамья, и капитан, подавшись вперед, дотронулся до оранжевого рукава Элькана и проговорил:

– Вот что... А как вышло, что вы, кровный родственник этих... здешних обитателей, оказались на Земле, внедрились... да-да, внедрились, другое слово и не подберу... в ряды землян... так правдоподобно, так ловко? Я уже насмотрелся на разновидности местных... Видел огромного здоровяка с костистым татуированным черепом, с шестью пальцами на руке – уверен, я не ошибаюсь!.. Видел и маленьких желтоглазых, плоскомордых, типа вот этого бармена... И парней со смуглой кожей, которые не дохнут даже после того, как им вспарывают брюхо, и при этом смеются.

– Смуглокожие – это гареггины Акила, – сказал Элькан. – В некотором роде биороботы. Хотя в их телах только настоящая, природная плоть, ни грамма рукотворной материи. Опасные, быстрые, обученные ребята. Воюют на стороне сардонаров. Люди с татуированным черепом – воины-наку со Дна миров. Те, что вы видели, воюют за Леннара и Обращенных.

– Обращенных?

– Да, это те, кого Леннар приобщил к настоящему знанию о мире Корабля и ввел в служебные отсеки звездолета...

– Это все замечательно, – сказал Епанчин, – но я не закончил. Я перечислил вам три разновидности здешнего рода человеческого, но ни одна из этих разновидностей и близко не смогла бы подобраться к такой точной имитации земного человека, такой трудной для копирования нации, как русские. А ведь вы, профессор Крейцер, хоть и прикрылись нерусской фамилией и якобы немецким происхождением, были в своей роли весьма убедительны. Ну хорошо! Не спрошу, как вам это удалось. Спрошу только: откуда? Откуда вы располагали временем, чтобы вжиться в роль, изучить язык, *уподобиться*? Ведь звездолет появился в Солнечной системе сравнительно недавно.

– И об этом расскажу. Только не сейчас. Другое нужно знать. Нам ведь, судя по всему, придется рассчитывать только на собственные силы. И еще неизвестно, как Леннар отреагирует на то, что я явлюсь в структуры Корабля, которые находятся под контролем Обращенных... – задумчиво произнес Элькан. – Им самим, как мне думается, несладко. Иначе не встретили бы их в транспортном шлюзе... Да еще в одеяниях дайлемитов, этих вояк из Кринну...

А Элен вновь с некоторым сомнением повторила:

– Обращенные?

– Да, люди, которые получили доступ к Центральному посту и служебным отсекам Корабля. Сначала, правда, большинству из них пришлось поверить, что этот самый Центральный пост и функциональные системы Корабля вообще существуют. Нам нужно попасть к ним. Они помогут.

Последние слова Элькан сказал негромко, с хрипотцой, и каждый из его спутников, будучи человеком наблюдательным и понятливым, отметил некоторую неуверенность в этой самой последней фразе.

– А еще? – спросил Абу-Керим.

– Что вы имеете в виду? – вздрогнул Элькан.

– Я имею в виду, что эти ваши Обращенные, судя по всему, незначительная часть от общей численности населения.

– Да, около тридцати тысяч, считая еще не посвященных до конца, – сказал Элькан. – А всего на Корабле находится около трех миллионов человек. Население небольшой европейской страны. Большая часть жителей сосредоточена, конечно, в так называемых Срединных землях – прежде всего это Ганахида со столицей Горном, Арламдор с главным городом Ланкарнаком, затем Кринну с целой россыпью городов-полугосударств со своим укладом, своими законами. Переходы между Верхними и Нижними землями проходят преимущественно в условно-горной местности, искусственных напластованиях пород у магистральных бортов корпуса Корабля. Быстрое сообщение долгое время не использовалось, скоростные турболифты Обращенные построили заново и запустили сравнительно недавно. Одним из таких турболифтов недавно воспользовались и мы... И надо же было такому случиться, что попали не куда-нибудь, а напрямиком в Горн, город Первого Храма!

– Первого?

– Первый Храм – самое огромное архитектурное сооружение в Верхних и Нижних землях, у вас на планете с ним можно сопоставить разве что египетские пирамиды и Великую Китайскую стену, но ведь она не видна вся разом, так что не производит грандиозного впечатления Первого!

– А разве нельзя воспользоваться этим, как вы говорите, турболифтом, чтобы попасть к этим вашим Обращенным? – спросил капитан Епанчин.

– Раз – и в дамки? – усмехнулся любитель земных настольных игр профессор Крейцер. – Нет. Не получится. Я задал маршрут, которым не пользовались со времен строителей Корабля. Сами видите, этим путем до нас давно уже никто не выходил из лифтовых шахт – стену вот пришлось ломать. Я выбрал этот путь, чтобы быть уверенным, что не попадем напрямиком в руки сардонаров. Да и коды доступа к отсекам Обращенных стерлись из памяти, знаете ли... А назад, в турболифт, конечно, можно, только есть риск застрять в лабиринте шахт из-за неверно заданного маршрута и неудачно подобранного кода координат, и все... Нет. Лучше подняться на поверхность. Горн – красивый город. Во всяком случае, был... Ну вы увидите собственными глазами, – как заклинание, в который раз повторил Элькан.

3

– Ну что же, – сказал рыжеволосый Акил, поворачиваясь к выросшему у него за спиной сопровителю сардонаров Грендаму, именуемому пророком и прорицателем. К мудрому, веле-речивому, громкоголосому, широкоплечему здоровяку. Мужлану с тусклыми рыбьими глазами, замашками мясника и неутолимыми аппетитами убийцы. – Ну что же, этот чужеземец довольно представительной внешности. Конечно, плохо, что Леннара убил именно он, а не, скажем, один из наших гареггинов или вовсе ты или я. Так или иначе, но нас ждет древний ритуал, предписанный нам предками и самим Аньяном Красноглазым, отцом-основателем сар-

донарской веры. Этот древний баловник был неиссякаем на разного рода милые придумки типа особых казней...

Грендам облизнул сухие губы. Он чувствовал себя не вполне хорошо и не очень уверенно, у него плясали руки. Акил, прекрасно знавший причину этих недомоганий своего сопровителя, тем не менее продолжал, не меняя тона:

– Тебе, конечно, хорошо известен этот ритуал.

Грендам смерил стоявшего в нескольких шагах от него Гамова презрительным, мутным взглядом, в котором иной истовый сардонар находил бездну смысла. Красноватые искорки раздражения плясали в разноцветных глазах Грендама – сером с желтизной и мутно-карем темном. Землянин бросил быстрый ответный взгляд, успев выхватить и глубистость мощных плеч, и тяжелый череп, и выпуклости на шишковатом, широком лбу, и гнилой, хищный оскал зубов, и нос, вдавленный на переносице, и неровные плиты скул. По земным представлениям Грендам был неслыханно безобразен, но в этой отталкивающей внешности все-таки было что-то магическое, притягательное, не позволяющее совершенно отвести глаз... вызывающее назойливое и неумное, как чесотка, желание взглянуть еще. Раз и другой... И еще, и еще.

– Да, у палача будет много работы, – проворчал Грендам. – Хороший ты ему намордник велел надеть.

Он имел в виду дыхательную маску, наглухо закрывавшую нижнюю половину лица Кости – рот и нос, отлично пропускавшую воздух.

Акил ответил:

– Палач. Ну не спеши. В конце концов, нам предстоит долгий пир. Это будет красивое начало нашего правления. Сколько отличных предзнаменований! Сколько славных дел за ничтожно малый промежуток времени! – помпезно восклицал Акил. – Взят Первый Храм, захвачена в плен почти вся жреческая верхушка за малым исключением. В шлюзе убит Леннар, а его ближайшие сторонники полностью уничтожены...

– Не забывай, что Леннар и его люди были заражены.

– А, ты говоришь об этом древнем яде, который мы применили на переговорах? – откликнулся Акил. – Ну я позаботился, чтобы мор не пошел от людей Леннара в народ. Его труп в надежном укрытии. Приняты все меры предосторожности... Трупы тех, кто погиб в шлюзе, уничтожены, дабы не дать мору ход...

– К тому же ты велел убить и нескольких живых, а тела бросить в раскаленную печь, – как бы между делом вставил Грендам. – О эта мудрая предусмотрительность!.. Зато гарегтинов, которые непосредственно дрались с Обращенными Леннара, ты не тронул, а ведь они просто купались в заразе.

– Тебе не хуже моего известно, что гарегтинам не страшен мор...

– О да! Это согласно древним манускриптам. Там же даны и объяснения... А ты не совсем похож на человека, который верит в древние манускрипты... – язвительно выговорил Грендам. – Ну хорошо, гарегтины – Илдыз с ними! А пришельцы! Что с ними? Их-то ты не очистил пламенем, не бросил в печь, и кто знает, может, они явятся хорошей пищей для древнего яда, а потом отравы перекинется и на нас! А этот намордник, что ты велел напялить вот на него, – кивнул он на Гамова, – помогает только до тех пор, пока не пролилась кровь. А кровь, сам знаешь, лучший носитель болезни...

Акил выцедил сквозь зубы, не глядя на сопровителя:

– Я знаю, что делаю. Тебя не было в том шлюзе, и не тебе судить... Да, около четырех десятков пришельцев отправлены в подвалы и ждут своей участи. Да, они не оказали сопротивления. *Почти* не оказали. В какой-то мере они даже помогли нам... Но не мы, не мы первые пришли к ним!

– У тебя планы на пришельцев?

– Их никто не звал, – сквозь зубы повторил Акил. – Есть ли у меня на них планы? О, конечно. Тем более что один из них, вот этот молодец, должен получить титул Освободителя и будет провозглашен голосом истинного божества в этом мире.

Прорицатель Грендам откликнулся негромко, глухо:

– А ведь и ты, и я не очень-то этого хотим. Идти на поводу у древнего и бессмысленного ритуала, который мы же с тобой и выволокли из пыльных толщ веков и подняли на стяг... Это нелепо, глупо?.. В конце концов, по старому канону именно убийца обожеествляемого существа должен быть провозглашен главой сардонаров... Какая чушь!

– Тем не менее эта чушь является одним из краугольных камней пестуемой нами веры. И нельзя так просто этим пренебречь.

– А если эпидемия все-таки разразится? Если они поражены?..

– Ты думаешь, я зря держу их в подвалах?! – на мгновение потеряв терпение, воскликнул Акил. – Быть может, яд точно так же не повредит им, как не вредит он гареггинам! Они дети другого мира, не могу же я сразу казнить их, не выждав время? Не старайся казаться глупее, чем ты есть, многомудрый прорицатель Грендам!

Костя Гамов, который конечно же не понимал ни слова из всего сказанного, не мог предполагать, до какой степени зависит его судьба от одного старого обряда, составленного и кодифицированного за сотни лет до его, Константина, рождения, за тысячи парсеков от его родины. Он стоял вытянув руки по швам и только втягивал нервными ноздрями запахи, будто и знакомые по *земной* жизни, но тотчас же переплавляющиеся в диковинную, опасную смесь. Рыжеволосый же, выслушав последние слова своего сопровителя, медленно приблизился к Гамову и, подойдя вплотную, глядя глаза в глаза, взял землянина за руку и стиснул запястье. Пальцы были холодные, твердые как железо.

Гамов обратил внимание и на то, какие неподвижные, словно из мертвого, голубого стекла, были глаза у Акила. В отличие от Грендама, от которого разлило кислым потом и еще какой-то непередаваемой гнилью так, что чуялось даже в отдалении, от Акила пахло мясом, жаренным с ароматными травами, и нагретым железом.

– Да, – сказал Гамов и зло улыбнулся, – кажется, сейчас будут убивать. Очень досадно. Вы, конечно, не понимаете по-русски? Еще бы! Был у меня один знакомый мясник, так он тоже не понимал по-русски, потому что был казах из какого-то дикого аула.

Акил даже не шелохнулся. Его узенькие зрачки впились в глаза землянина как иглы. Пальцы стиснули Костино запястье. Гамов тоже замер. Наконец Акил отвалился от своего пленника, словно насосавшийся крови паразит, в его рыжих волосах метнулся и запутался свет факелов, и он бросил несколько отточенных, длинных слов. Смуглолицые гареггины подхватили их на лету и тотчас же – следом – взяли под локти Гамова и повели в глубь дома, по темному коридору с идущими уступом стенами, с нишами, в каждой из которых свободно мог укрыться человек.

Спокойно, очень спокойно сделалось Константину, и, даже если этот путь верно вел его к гибели, уже не было смысла волноваться.

Нет. Все оказалось не так.

Его втокнули спиной вперед в какой-то узкий проход, которого он сначала даже и не заметил. С глухим звуком захлопнулась массивная каменная панель, тотчас же яркий свет и глубокие звуки вошли в глаза и уши Гамова, и он обернулся, увидел огромный зал, залитый пересеченным светом от трех больших горящих шаров, парящих там, где сходились высоченные стены и тяжеловатый светло-серый свод потолочного перекрытия. Посреди зала на ковре стояли широкие и плоские блюда с едой и чаши с напитками, а вокруг них, словно в древнеримском триклинии, возлежали вперемешку пять или шесть мужчин (из них двое – смуглые, статные воины с детской кожей). И с ними – ну верно, даже больше двадцати девиц всех степеней красоты и уродства. Блондинки, брюнетки и даже совершенно лысые. С формами, похо-

дядями на обводы стенобитного орудия, и с контурами фигур такими тонкими и нежными, что, казалось, можно обхватить талию двумя пальцами.

При появлении Гамова гареггин, возлежавший ближе всех к нему, поднял руку и сказал несколько звучных слов, после которых лица присутствующих, неподвижные, словно усыпленные верным средством, дрогнули и начали жить. К Гамову приблизилась толстуха в короткой накидке и с жирными голыми плечами, обмазанными слоем липкой ароматической массы, в которой засели остро пахнущие черные лепестки.

– Аллиа канн! – сказала она низким голосом и, потянув край ткани, обнажила мощную грудь, на которой красовался какой-то сложный зеленоватый узор, вдавленный в кожу.

И вот тут Костя Гамов, не испугавшийся вооруженных гареггинов, робко попятился...

Глава вторая

Самоидентификация

1

У древних сардонаров, чьи последователи пришли к власти в Ганахиде и взяли приступом великий Первый Храм, – так вот, у этих сардонаров всегда были очень красивые, эффектные ритуалы. Один из этих ритуалов именовался Большим гликко и, по сути, представлял собой смесь театрального представления и казни. Впрочем, казнь – это то, что практически наверняка принесет осужденному смерть. В то время как милосердное *Большое гликко* оставляло призрачный шанс уцелеть. О это гликко!.. Те, кто видел его, сохранили незабываемые впечатления и оставили их потомкам. Написанные очевидцами веселой казни фолианты оправлены жрецами Храма в тяжелые переплеты, кожаные и металлические, и задвинуты на самые высокие и дальние полки архивных хранилищ. Ибо последнее Большое гликко было проведено около семи веков назад, в период Большой ереси, направляемой и разжигаемой Аньяном Красноглазым, безумным Саттором и еще Акилом Галиаккором, тезкой нынешнего рыжеволосого сопровителя сардонаров.

Рыжеволосый Акил и сопровитель его Грендам собирались воскресить очень древнее и очень эффектное действие. Собственно, в топку этого незабываемого веселья они намеревались бросить богатейший и весьма благодатный материал.

Наиболее ценной составной частью этого материала (конечно же человеческого) были около двадцати высоких иерархов Первого Храма Благолепия, захваченных при штурме тысячелетней твердыни. Среди них присутствовал сам глава Храма, носивший громкий титул Сына Неба и единственный среди смертных облеченный правом читать Книгу Присяги, древний артефакт из времен Первосвященничества. Среди этих людей были высшие сановники, сплошь члены знаменитого храмового Конклава, несколько руководителей ордена Ревнителей, являвшегося главной ударной силой Храма Благолепия. Общее число храмовников, попавших в плен к сардонарам, доходило до полутора сотен. Помимо уже перечисленных высоких персон тут были и простые Ревнителы, и Субревнителы, кроме того, храмовники, не рукоположенные в высокий сан, а равно братья, приписанная к Храму уставом, но на деле являющаяся ремесленным людом, переписчиками, учителями и стряпчими. Последние, к слову, являлись предметом особой ненависти горожан, благо именно эта храмовая прослойка отвечала за переход муниципального и частного имущества в собственность Храма.

Помимо полутора сотен пленных церковников к расходному человеческому материалу, из которого должно, по мысли Акила, создаваться особое зрелище на площади Гнева, принадлежали и сорок пленных землян. Именно сорок, а не сорок четыре, как подсчитал один из немногих избежавших плена, капитан Епанчин: четверо космонавтов погибли в боине в транспортном шлюзе.

Пирамида красовалась посреди площади Гнева. Еще недавно она именовалась площадью Двух Братьев, центральной площадью Горна. Пирамида... Внушительное ступенчатое сооружение из плотно уложенных один к другому тесаных камней с плоской площадкой на вершине. На площадке величественно горит факел, пламя ядовито-оранжевое, с мерзкой зеленой жилкой. Возле того факела раз в сутки сменяется караульный гареггин, вооруженный заостренным с двух сторон бойцовым шестом – *хваном*, – а также коротким мечом, отлично сбалансированным, с волнистой, как контур беспокойных вод, режущей кромкой. Гареггинам практически не нужен отдых, они способны длительное время воздерживаться от пищи и даже воды, отсюда и такая нечастая смена постового.

Впрочем, пост был нужен только для того, чтобы придать подготовке действия дополнительную помпезность. Сардонары, а их предводители в особенности, очень падки на внешние эффекты, хотя редко делают их самоцелью. Жители Горна, которым было запрещено ступать на территорию площади, издали наблюдали за неподвижным воином, застывшим на высоте десяти *анниев*.¹ и вытянувшим перед собой руку с зажатым в ней стоящим вертикально мечом. Некоторые пытались повторить трюк и, забрав в пятерню что-нибудь соответствующее по весу мечу, вытягивали руку, однако хватало их ненадолго. Дольше всех продержался какой-то плотный мужичок, но и его хватило только на три с половиной *столбика*.² Мужичок выиграл несколько монет, а потом спасался бегством, так как кто-то узнал в нем бывшего Субревни-теля, ныне промышляющего нищенством, грабежом и вот такими трюками.

Гареггин же стоял в неизменной позе все время, отведенное ему для охраны поста. Все, кто представлял, о чем идет речь, понимали, что простому человеку подобное не то что не под силу, а вообще невозможно, и потому...

Впрочем, подобно хозяину Снорку из подземного кабачка на окраине Горна, многие предпочитали не рассуждать. О гареггинах и вообще. Меньше говоришь – дольше живешь. Да. Это горожане выучили и усвоили накрепко. Уж очень убедительны и непререкаемы были учителя: Акил, Грендам, их ближний круг...

Собственно, и в процессе подготовки Большого гликко на площади Гнева, в преддверии увлекательного действия, горожанам было чем себя занять. По чести сказать, добрая половина жителей ганахидской столицы предпочитала сидеть дома и не высовываться, дожидаясь, пока кончатся уличные беспорядки. Время Первой большой крови, как именовали штурм сардонарами ганахидского Храма, уже миновало, трупы двадцати с лишним тысяч погибших в этой мясорубке бойцов частью гнили на улицах и на первом уровне городских катакомб, куда их сбросили поборники чистоты, частью же пошли в пищу. В самом деле, нельзя же в голодную и страшную годину пренебрегать таким запасом относительно свежего мяса, правда? Вот так считали и жители Горна. Соправитель Грендам, этот мудрый и щедрый на широкие жесты (очерчивающие его огромную власть!) деятель, даже выпустил предписание, по которому каннибализм считался общественно полезным делом. Так что рыскавшие по улицам в составе дежурных патрулей сардонары были самыми сытыми людьми в Горне. Они безошибочно шли на ароматы жареного мяса, набредали на костры, разложенные прямо на перекрестках либо на первых этажах брошенных домов, и тотчас же забирали свою долю. За две *седмицы*, истекшие с момента падения Храма, многие патрульные отъели себе ряшки, а под дорогой тканью одеяний, явно выдернутых из кладовых *эрмов*³ и Храма, круглились внушительные бока.

12 нуарма 1444 года Первосвященства – согласно храмовому календарю – или же в канун дня Иссока, в третью длинную *седмицу*, если пользоваться упрощенным народным времяисчислением, на городской площади Гнева затеялось большое и занимательное это действие. Площадь, дважды оцепленная по периметру и тщательно просматриваемая с нескольких точек гареггинами-наблюдателями, медленно заполнялась народом. Всего самое большое открытое пространство Горна вмещало до тридцати тысяч. В настоящий момент это составляло практически четверть населения столицы Ганахиды, существенно прореженного. Хотя последняя перепись, проведенная в недалеком, казалось бы, 1442 году Первосвященства волонтерами Храма, давала круглую и приятную цифру двести тысяч. После Ланкарнака, столицы Нижней земли Арламдора, Горн считался крупнейшим городом ойкумены.

¹ Один анний равен приблизительно 1,8 м, то есть росту высокого земного мужчины.

² Имеется в виду бытовой прибор, при помощи которого обитатели Корабля (из числа *простых смертных*) измеряют временные промежутки. Прибор в просторечии именуют столбиком, как и отмеряемую им путем истечения вязкой жидкости единицу времени. Один столбик приблизительно равен двум земным минутам. Это так, на будущее.

³ Эрмы – сословие, к которому принадлежит личное и потомственное дворянство Ганахиды (Четвертый уровень) и Арламдора (Пятый уровень).

Гареггин на огромной пирамиде посреди площади уже не был одинок. Вдоль ребер ритуального сооружения на каждой ступеньке застыли жрицы: на плечи их наброшены сети с амулетами, головы непокрыты, а в распушенные волосы вплетены тяжелые металлические нити. Амулеты сработаны по старому канону, извлеченному из книг времен Большой ереси, обнаруженных в книгохранилищах Первого... Храм заботливо сохранил свою погибель. Сохранил и передал.

На огромный столб высотой восемь – десять анниев, обведенный спиральной лесенкой и оборудованный довольно широкой площадкой на самом навершии, вскарабкался Грендам в ядовито-желтой накидке. Свои жиденькие серые волосы соправитель сардонаров заправил под широкую темную повязку, перехватывающую голову. Выглядел сейчас Грендам, следует отдать ему должное, почти величественно.

При виде Грендама из толпы раздалось несколько приветственных криков, тотчас же поддержанных большинством вывалившего на площадь Гнева народа. Вскоре радость горнцев переросла в дикий рев, из которого сложно было вычленивать какие-то отдельные голоса.

Грендам, признанный оратор из стана сардонаров, впрочем, как никто умел овладевать вниманием слушателей. Даже самых буйных. Он поднял руку, а потом зычным голосом проревел несколько слов, предваряющих речь. Слова толком никто не расслышал, но голосина у Грендама был такой, что наложилась поверх шума людского моря.

Нет надобности знать все то, что обычно говорит в таких случаях соправитель сардонаров. Тут были все те пламенные обороты, что характерны для речений всей верхушки возродившейся и взявшей власть древней секты. И жаль, что речи эти не слышал никто из землян, попавших в плен, а если бы и слышал, но не понял бы ни слова – иначе, быть может, ее содержание воскресило, всколыхнуло бы в памяти какие-нибудь эпизоды из земной истории, богатой на кровавые события, на змеевидные изгибы сюжетов и магистральные переломы судеб.

– Нам нужна война! – громогласно вещал Грендам, размахивая руками и испуская фонтаны слюны. – Нам нужна война, которая отделит настоящую и чистую кровь от вялой жидкости, что тащится по жилам некоторых из – странно! – все еще живых обитателей этого мира! Нам нужна очистительная война, которая определит, кто заслуживает настоящей жизни, жизни подлинной и всеобъемлющей! Сколько можно сидеть в сырых подвалах, вздрагивая от шагов над головой? Сколько можно жрать дряхлые, серые волоконца мяса, глотать крысиные и собачьи кишки, сколько можно разбавлять вино грязной водой, а в похлебку сыпать наполнитель – древесную труху, чтобы создать иллюзию опьянения, иллюзию сытости? Сколько можно чтить все эти глупые запреты, наложенные давно истлевшими иерархами проклятого Храма – того Храма, который был недавно взят самыми лучшими и храбрейшими из вас?

За спиной Грендама на навершии столба появился рыжеволосый соправитель Акил, в кожаных штанах гареггина и в яркой алой блузе, верно подобранной в тон волосам. При его появлении по площади Гнева прокатилась новая волна восторга.

– А продолжение рода? – не снижал ураганного темпа речи Грендам. – А продолжение вашего рода? Посмотрите друг на друга, на эти вялые, унылые, серые, отмеченные печатью вырождения лица! Вы плесень! Вы грязь земли, а ведь вы рождены и предназначены для иного, пусть не каждый, пусть лишь десятый или двадцатый! И высоко то предназначение! Плесень!.. Мхи на суровой скале мироздания! Вы хотите и впредь оставаться такими? Кровь смывает вырождение и даст новый смысл жизни! Вы хотите и дальше совать свои обрубки в щели сонных, грязных бабищ, которые предназначены вам на семена? Рожать ублюдков, которые годятся разве что в мясную похлебку, на бульон? Или все-таки стоит хотя бы попытаться определить свою судьбу, взять ее грубо и властно, через боль, через кровь, ведь только так дается наслаждение, только так случится взлет? Посмотрите на гареггинов! Вы хотите, чтобы ваши дети стали такими же – гибкими, быстрыми, смекалистыми, способными мгновенно отличать свежесть от гнили? Посмотрите на меня, посмотрите на Акила! Хотите уподобиться нам –

свободным, ничего не боящимся, думающим и размышляющим непрестанно, а потому призывающим к войне?! Потому что только война может дать мир подлинный и желанный, а не это зловонное болото вырождения и гнили, которым стали сейчас земли, нас вскормившие. Мы сделали первые шаги к обновлению. Мы отомкнули первые потоки крови. И пусть в этой большой игре выживешь именно ты!..

– Закругляйся, – негромко бросил Акил, стоявший чуть поодаль за спиной разошедшего прорицателя.

Толпа, разбереженная неистовыми речами оратора, бесновалась и ревела. Грендам едва заметное движение пальцами, давая понять, что расслышал своего сопровитателя. Он поднял руку, призывая к тишине, и мгновенно овладел вниманием аудитории. Он выкрикнул:

– Храм всегда считал милосердие уделом слабых и гнилых духом! Докажем же, что наш дух чище и крепче, чем у братьев Храма! Я чувствую, как на меня смотрят глаза, ваши глаза, глаза кого-то из тех, кто подожжет и очистит мир! *Эллоэн!*

– Эллоэн!!! – выдохнула боевой клич сардонаров толпа.

Акил провел рукой по своим длинным волосам и усмехнулся, кажется с одобрением.

2

В то время как неистовый прорицатель и оратор Грендам воспламенял своими воззваниями толпу, а его сопровитатель Акил без лишней огласки держал в руках все действительные рычаги управления ситуацией, Костя Гамов, счастливый гость обоих вождей сардонаров, открыл глаза и утвердился во мнении, что вот уже второй день подряд делает это (открывает глаза) при обстоятельствах более чем странных и примечательных. Сколько можно? В прошлый раз он нашел себя в каком-то мерзком подземелье, где слезились стены, а пол шел уступами, где в чанах лежали мертвецы, в обозримом будущем оказывающиеся не такими уж и мертвыми... Теперь же Константин не сразу понял, где находится. Потолочное перекрытие выплыло на него из ключев сизого тумана, из пущенных вверх слоя этого тумана барашков кружевной пены. Потом Гамов стряхнул остатки сна, неверного, круто заверченного, со множеством калейдоскопически мелькающих лиц и финальной сценой, быстро тающей в памяти: из гигантского тела великана, вращающегося вокруг Луны, один за другим лезут черви, черные, с отлакированными, точеными головами и чужими – человеческими – лицами. Одно из этих лиц, длинное, опасное, с хищной прорезью рта, тем не менее его, Константина. Червь.

Он червь.

Гамов конвульсивно раскинул руки и ноги, с грохотом повалив на пол высокий сосуд с узеньким горлом и гулками, как колокол, боками. Из него потекла вязкая, красненькая жидкость. Запахло специями. Костя приподнял голову и, обнаружив себя посреди огромного зала, вдруг увидел, что подле него... (Черт побери!!! Или кто в этом мире отвечает за неприятности?!) снова лежит труп.

Нет, уже не тот. Рука, та, что он видел на краю чана там, в подземелье, была белая, с длинными пальцами и явно мужская. А эта? Явно женская. Маленькая, пухлая, смуглая, с толстенькими пальцами, похожими на сардельки. Судорога прихотливо сломала полусогнутые пальцы. Лунки ногтей побелели. Гамов поднял голову чуть повыше и только теперь увидел, что труп не прозябает в одиночестве... Рядом валялись еще около десятка мертвых тел – некоторые без видимых повреждений, иные изуродованы ужасающей силы ударами холодного оружия, рубящими и колющими. У лежавшего в двух шагах от Гамова высокого смуглокожего парня, почти юноши, вот таким рубящим ударом был развален корпус почти до поясицы. Второй был просто-напросто перерублен пополам. Еще одному вчерашнему сотрапезнику Гамова, толстому, с обрюзгшим, красным лицом и складчатой шеей, отсеки обе ноги и размозжили череп так, что верхняя половина головы стала плоской, как площадка, на которой ораторствует Грендам...

Не пощадили и женщин. Помимо той, что первой увидел Гамов, были убиты еще две. Одну проткнули насквозь столовым прибором, похожим на небольшой вертел, другая же выглядела словно живая, если не считать двух симметрично расположенных кровоподтеков на шее.

Всего Костя Гамов, окончательно откисший ото сна, насчитал восемь трупов – пять мужских и три женских.

– У них тут в геометрической прогрессии трупы множатся, что ли? – пробормотал он. – Вчера один, сегодня – восемь...

Тут ему пришло в голову, что ход времени сложно оценить, не зная здешних единиц его измерения, и еще – то же касается и всех остальных критериев, которыми он оценивал, промержал свою жизнь в земных декорациях, кажущихся сейчас не более реальными и достигаемыми, чем недавний сон.

Оглядев себя, Гамов выяснил пикантную подробность: он практически голый, если не считать какой-то забрызганной вином и соусом тряпки, которой обвязана поясница.

Соусом ли?

Гамов взглянул на свои руки, перепачканные явно не в соусе. Что-то, а засохшую кровь он мог распознать еще с тех времен, как занимался в юношеской секции бокса и даже имел виды на получение звания КМС. Не вышло... Костя рос пытливым мальчиком, и эти его пыливость и любопытство привели к тому, что, дожив до двадцати девяти лет, он не добился успехов ни в одной области, в которой пытался достичь каких-то высот. Бокс... Университет. Журналистика, компьютеры... Практика на телевидении... Два месяца в СИЗО, куда Гамов попал по удивительному стечению обстоятельств и, разумеется, будучи совершенно невиновным (как, впрочем, любят утверждать даже серийные маньяки и киллеры-многостаночники)... Смена видов деятельности по окончании МГУ. Путешествия, попеременно то веселые, то печальные. Удар ножом в бок, в процессе устранения последствий коего Константин познакомился со своей будущей женой. Она так и осталась в статусе «будущей», потому что за неделю до свадьбы Гамов, как пишется в романах, встретил другую. Эта тоже имела отношение к колото-резанным ранам, как и первая, потому что была заслуженным мастером спорта по фехтованию и входила во второй состав женской сборной России.

Гамов, покачиваясь, встал на ноги. Шумело в голове. Океанские валы, разбиваясь о внутренние стенки черепа, убирались с невольным ворчанием. На губах тлел какой-то тошнотворный привкус. Гамов уж подумал, не оптимизировать ли ему как-то свое муторное состояние, но организм решил за своего хозяина, и Костю вывернуло наизнанку остатками вчерашних яств. По всей видимости, уроки юности, позволявшие ему с равным успехом переносить и вид трупов, и последствия вечерних злоупотреблений за трапезой, несколько подзабылись. М-да... Неласковым выдавалось пребывание посланца Земли в этом дурацком и гибельном мире гигантского звездолета, выглядевшего так солидно и интригующе снаружи и оказавшего столь непривлекательным, столь противоречивым изнутри... Впрочем, никто не ожидал, что будет легко, сказал сам себе Гамов и тут увидел еще одного.

Этот *новый* был равно не похож ни на смуглолицых, в кожаных штанах, воинов, с их детской кожей и играющими под ней мощными, быстрыми мускулами, ни на – в особенности – тех желтоглазых мелких уродцев, что выводили Гамова из узилища. Ростом он был примерно с Константина, что по местным меркам, верно, должно считаться высоконьким, лицо... Лицо показалось смутно знакомым, хотя не мог, решительно не мог Константин видеть этих черт прежде. Светлая кожа, четко очерченные рот и подбородок, широко посаженные, большие серые глаза. Темная щетина. У тех, желтоглазых, виденных раньше, были безволосые лица и серая кожа, изрытая ямочками. Мелкие черты, словно размазанные по физиономии. В моторике же смуглокожих юношей, несмотря на отточенность и быстроту их движений, было что-то неестественное, заторможенное, словно гнетущее их изнутри.

Этот же был похож на землян куда больше всех прежде виденных Гамовым. Даже тот, рыжеволосый, с характерным умным и злым лицом, тот, которого они именовали Акилом, – даже он похож меньше...

Человек сидел, прислонившись спиной к массивной опорной колонне, полуприкрыв темно-серые глаза. Левая половина его лица у виска представляла собой сплошную рану, затянутую коркой спекшейся крови. Человек был обнажен до пояса. Массивный его торс был в мелких кровавых брызгах, словно кто-то кропил его с помощью маленькой кисти. Правое предплечье, впрочем, было почти сплошь залито кровью, рука перехвачена тремя широкими полосами темной, подсыхающей жидкости. Человек тяжело ворочал нижней челюстью, то открывая рот до отказа, до закрывая и массируя правой рукой челюстные мускулы. У Гамова запершило в горле, и он сухо кашлянул.

Веки неизвестного дрогнули и поползли вверх, и Константин поймал на себе его неподвижный, ничего не выражающий взгляд. Человек поднял руку, которой он только что массировал челюсть, и произнес несколько слов на шершавом, не очень приятном для земного уха языке. Гамов заморгал. И тут на лице неизвестного появилась какая-то жалкая, раздавленная, полудетская усмешка. Гамову приходилось видеть такие на физиономиях несчастных олигофренов в психушке, когда он приходил навещать приятеля, угодившего в дурку по делу в общем-то пустячному: откосить от армии... Впрочем, то, что сидящий у колонны человек уж никак не был олигофреном или кретином, Константин понял сразу, просто беспомощная улыбка очень не шла к резким и мужественным чертам лица и, особо, к свирепым багровым разводам на мускулистом теле.

«Так, а не этот ли товарищ имеет отношение к бойне, которая тут... отшумела? – проползла неповоротливая мысль. – Ведь кто-то же убил этих гостеприимных инопланетян?»

Встав на путь размышления и анализа, Гамов почувствовал себя неловко. Пространство вокруг него и слагающие это пространство элементы упорно не желали укладываться в голове и подчиняться каким-то логическим выкладкам. Тут, в этом мире, вообще едва ли уместны земные критерии... В чужой монастырь со своим уставом... М-да...

Костя Гамов встряхнул головой и выговорил:

– Простите, а не вы ли случайно устроили тут такой бардак?

Характерно, что ответ он получил, но уже на другом местном языке – не на том, первом, шершавом и словно истертом многочисленными приглушенными согласными, а на другом, с избытком звонких и сонорных звуков, множеством открытых слогов. На языке, по звуковой структуре чем-то походившем на итальянский (Гамов как дипломированный лингвист сразу определил это на слух). Костя указал на валяющиеся на полу трупы, затем перевел взгляд на сидящего у столба человека:

– Вы? Это вы убили их?

Этот вопрос можно было понять и не зная языков. Собеседник Гамова провел ребром ладони по груди наискосок, туда и обратно, словно углубляя условный разрез, а потом бросил несколько слов на звонком наречии, но Константин не слышал их, потому что неотрывно смотрел на ладонь незнакомца, длинную, узкую, с гибкими, музыкальными пальцами. У Константина всегда была прекрасная зрительная память и чутье на узнавание уже виденного однажды. Вне всякого сомнения, ему уже приходилось видеть эту руку. Ну конечно... Там, на краю серебристого чана, прикрытого отрезом полосатой ткани.

Это его, незнакомца у колонны, содержали вместе с Гамовым в узком многоступенчатом узилище. Но как же так вышло, что он теперь здесь, и живой, и даже, судя по всему, сам отнимает чужие жизни?

Костя, вслепую пошарив рукой вокруг себя, уселся неловко на загнутый уголок ковра. Во рту саднило и жгло, губы сухие, как пустыня Гоби, и Гамов почел необходимым промочить глотку, несколько раз приложившись к чаше. Некстати подумалось, что тот, кто пил из

этой чаши до него, уже мертв. Костя фыркнул, пузыря и расплескивая ароматную слабоалкогольную жидкость, и пространство вокруг него начало меняться и становиться более ясным, определенным. Складываться в цельную картину. И даже удалось ему припомнить, что накануне, напившись и нагулявшись и не найдя в том удовлетворения, местные баловники захотели чего-то более опасного, остренького, приправленного мощными специями риска и интриги. То есть насколько он смог понять это, не зная языка. Впрочем, просчитать человека можно и по взгляду, жесту, тембру голоса. А уж когда все это столь явно выпячено... Правда, толстяк, у которого теперь осталось только полчерепа, опьянел меньше остальных и потому сохранил больше благоразумия. Он пытался остудить пыл молодых гареггинов Акила. Нет. Бесплезно. Те закоснели в своей безнаказанности, данной им по статусу. Гамов, разумеется, не мог знать, но смуглокожие бойцы, молодая гвардия сардонаров, любимцы рыжеволосого Акила, кичливо заявляли: «Лучше нас только мертвые!» Собственно, и до главной выходки вечера Гамов усвоил, что те, кого именуют звучным словом «гареггин», не отличаются кротким и смиренным нравом и вообще склонны к эпатажу и самолюбованию. Так, один гареггин по имени (если Костя верно понял) Ли-Тэар демонстрировал свое презрение к боли, втыкая в предплечье столовый прибор. Из раны выбивалась кровь, он текла, текла... все медленнее, медленнее, застывала, остывала, чернела, а потом, осушив одну или две чаши и уписав порцию обильно политого соусом жареного мяса, гареггин смахивал багрово-черную корку затвердевшей крови с руки, и под той коркой не оставалось и намека на недавно нанесенную рану.

Дамы визжали от ужаса и удовольствия...

И вот этот-то гареггин Ли-Тэар, похваляясь своим родством с кем-то из личной охраны рыжеволосого сопровителя Акила и знакомством с великими предводителями сардонаров, предложил подвести к трапезе главного виновника торжества. Конечно, Гамов всего этого не понимал, но так как в момент произнесения Ли-Тэаром речи все смотрели то на гареггина, то на землянина...

Словом, под визг слабой половины здешнего, с позволения сказать, человечества трое гареггинов встали и удалились. Один из них был, кажется, тот самый, что руководил вызволением Гамова из темницы и командовал двумя желтоглазыми, плоскомордыми стражниками... Как выяснилось чуть позже, его звали Таэлл и он был свежеиспеченным комендантом тюрьмы, где содержали Гамова... и его соседа, того, из чана.

Развлечение выдалось даже более пикантным, чем того ожидали самые экзальтированные дамы. После того как трое молодых удальцов притащили тело, завернутое в ту самую полосатую ткань, и бросили прямо поперек пиршественного стола (то есть ковра), все присутствующие замерли в предвкушении чего-то очень завлекательного. Некоторое время даже молчали. В свете того что здесь предпочитали говорить все разом и на повышенных тонах, тишина эта была сродни чуду. Потом молодой гареггин потянул полог черно-белой полосатой ткани... Одна девушка взвизгнула, поднеся к лицу руки с заломленными тонкими запястьями. Смотрели пугливо, даже толстяк двигался замедленно, очень осторожно, а когда делал шаги к телу на ковре, казалось, что он ступает по минному полю... Только троица молодых гареггинов, явно рисуясь своей удалью и бесстрашием, действовала с преувеличенной небрежностью: они разбросали края тканевого отреза едва ли по всему «столу», а Ли-Тэар, этим не удовлетворившись, эффектно выхватил из-за заспиных кожаных ножен клинок и провел по металлу языком, чем заслужил несколько одобрительных восклицаний.

Гамов мутно смотрел куда-то поверх происходящего...

– Вот он! – воскликнул юный комендант Таэлл. – Вот он, самый страшный и самый желанный, и теперь он в нашей власти! А оттого мы никогда не станем побежденными! Никогда...

– Это в самом деле он, Леннар, тот, против кого ничего не смог поделывать тысячелетний Храм? – выдохнула одна из девиц.

– Это он! Мне приходилось видеть его раньше. В бою, – заявил Таэлл.

– Но у него должны быть Стигматы власти, – осторожно заметил толстяк, бывший ганахидский эрм – аристократ, а ныне сардонар, по имени Луви-косс. – Ведь именно они символизируют его власть над Обращенными. Или... не...

– Говорили, что он передал свои Стигматы власти какому-то бывшему Ревнителю, двойному шпиону, который примкнул к сторонникам Леннара, – глубокомысленно заметил Ли-Таэр. – Жаль, что мы не можем спросить обо всем этом у него самого. Да и у этого чужеземца, которому посчастливилось угробить самого Леннара, воплощенного мертвого *бога*... у этого болвана тоже ничего не спросишь.

– Между тем этот болван скоро будет объявлен истинным голосом божества в нашем мире и станет главой сардонаров...

– Это только ритуал! Непохож многоустый Акил на того, кто отдаст власть добровольно, – заметил гареггин Таэлл. – Не знаю, что будет с этим пришельцем дальше, но пока что Акил и Грендам повелели ублажать и развлекать его. Думаю, вам известно, что на бойнях Храма так развлекают животных, чье мясо предназначено для приготовления самых нежных и изысканных блюд. А Акил, как бывший брат ордена Ревнителей, прекрасно знает все эти храмовые хитрости.

– Придержи язык, Таэлл, – прозвучал высокий и властный женский голос, и девушка в ярко-алой накидке, сползающей с узких плеч, шагнула в круг людей, стоявших возле тела Леннара. У нее были длинные каштановые волосы с вплетенными в них металлическими ритуальными нитями и большие темные глаза, глядящие задорно и с вызовом. Сейчас же в этом взгляде стояло негодование. – Придержи язык, Таэлл, и вспомни, кем ты был до встречи с мудрым Акилом, как жил на границе топи и зарабатывал тем, что грабил задремавших от дурманных болотных испарений путников! Помолчи, гареггин, твое дело орудовать мечом, а не языком.

– Многоустый Акил взял меня в гареггины, потому что я один из немногих лучших! – дерзко ответил молодой смуглокожий боец, но пыл все-таки несколько умерил. – В конце концов, у меня большие заслуги, я брал Первый Храм и был на острие летающей штурмовой колонны. А что я сделал, чтобы умалить этот подвиг? Всего лишь взял из узилища, мне же и вверенного, труп Леннара, предводителя Обращенных, существа, которому мы должны поклоняться! ЭТО лишь его труп, а что такое труп Леннара? Темница бога.

– «Убей бога, освободи бога!» – привычно выкликнули все священную формулу сардонаров.

Таэлл продолжил:

– Разве тебе, Лейна, не хочется взглянуть на него ближе, а не смотреть из-за барьеров, которые воздвигли на площади Гнева? Я понимаю, ты племянница самого Акила и многие запреты тебе неведомы, но все-таки ты женщина, ты любопытна, не так ли?

– Я любопытна, – согласилась Лейна, – но в наши дни за любопытство расплачиваются живой кровью.

Наверное, никто не мог и предположить, сколь скоро ее слова оправдаются с пугающей буквальностью. Оправдаются свирепо и *полнокровно*. Гареггин Ли-Тэар, который незадолго до того вынул из ножен меч, небрежно полоснул кончиком клинка по длинным одеждам Леннара, лежащего у ног любопытных. Ткань разошлась, открывая украшенную свежей царапиной светлую кожу. Ли-Тэар проговорил:

– Он облачен в одежды дайлемитов. Так одеваются люди из города, который впервые открыл священного *гарегга*. Почему так?

На лице же гареггина Таэлла появилось недоумение. Он наклонился, внимательнее разглядывая царапину на коже Леннара, и выговорил:

– Да как же так... почему...

Тут он оборвал фразу и издал какой-то булькающий звук, а стоявшим за спинами любопытных показалось, что Таэлла, вздрогнувшего всем телом, вырвало выпитым за вечер крас-

ным вином; немного брызг попало на одежду всех присутствующих. Таэлл затрясся и спустя несколько долгих мгновений испустил отчаянный вопль, а Ли-Таэр оторопело договорил за своего собрата гареггина:

– Почему у него течет кровь?

Он имел в виду свежую, быстро оплывающую кровью царапину на теле Леннара, открывшемся под разорванной тканью. Удивление понятно и резонно: у трупов ток крови отсутствует. Собственно, о крови, принадлежащей Леннару, думать уже не приходилось, потому что несостоявшийся мертвец действовал с удивительной быстротой, и в результате этих его действий куда более обильно лилась кровь, принадлежащая другим. Он уже успел одним молниеносным тычком вытянутых пальцев пробить горло гареггину Таэлла и, зафиксировав хват на его горловых хрящах, рывком перевести себя в вертикальное положение. Гареггин заревел от непереносимой боли, потом этот рев перешел в шипение, перемежаемое мерзким горловым бульканьем. Из раны по пальцам Леннара хлестали потоки крови. Меч вывернулся из руки Таэлла, верно для того, чтобы плотно лечь в руку главы Обращенных. Леннар оттолкнул хрипящего гареггина и, развернувшись, сделал полный оборот вокруг собственной оси, со всего размаху ударил мечом по корпусу соперника. Того развалило надвое. Гамов, осовелый, слабо осознающий, что, собственно, происходит, смотрел на этот батальный эпизод, не успевая разбирать детали... «Мертвец» двигался очень быстро. Даже смуглокожие, молодые гареггины, которые еще недавно хвастались своей скоростью и живучестью, не успевали ставить защиту. За что и поплатились жизнью. Впрочем, один боец оказал достойное сопротивление и даже ранил столь быстро и дивно «воскресшего» противника в ключицу. Впрочем, эта небольшая царапина была вовсе не опасна, а уже следующим движением, неуловимым, хищным, Леннар разрубил противнику горло.

Очень примечательно – наблюдать, как умирает гареггин. Казалось бы, и крови потеряно втрое больше, чем нужно для гибели обычного человека, и хлещет она всю из перерубленных артерий, так нет же – цепляется за жизнь, бьется в агонии тело с кожей смуглой и нежной, как у ребенка. Не желает вверять себя косматым лапам смерти.

Разделавшись со всеми, кто попытался оказать сопротивление, Леннар запер женщин в какой-то камере. Те же из представительниц слабого пола, которые попытались воспользоваться оружием убитых мужчин и напасть на главу Обращенных, были беспощадно им умерщвлены. Впрочем, нет: Лейна, племянница Акила, тоже попыталась напасть на Обращенного с мечом в руках, но осталась жива. Спас ее Гамов. Он метнулся к Леннару и повис у него на руке, что-то протестующе выкрикивая. Тот развернулся и отшвырнул землянина так, что все померкло в голове Константина... и рассвело только несколькими часами позже.

– Это вы убили их? – повторил Гамов, впрочем уже припоминая ответы на этот и иные вопросы, которые не было смысла озвучивать. – А меня, так сказать, на семена оставили? Впрочем, что я к нему обращаюсь... Это разговор глухого с немым. Или – еще веселее – бывшего мертвого с *будущим* мертвым? Не станет же он меня оставлять в живых после такого?..

Леннар поднялся на ноги. Было видно, что его одолевает слабость, что всплеск сил, который позволил этому человеку в одиночку расправиться с троими молодыми, играющими своей выучкой и мощью противниками (это не считая женщин и толстяка, не являющегося гареггином), иссяк. На ходу он приволакивал левую ногу. Впрочем, Гамов чувствовал себя ненамного лучше, а уровень боевой подготовки, что продемонстрировал Леннар, не оставлял Константину никаких шансов, сойдись эти двое выживших лицом к лицу...

Леннар между тем направлялся в сторону земного гостя.

В его руке был нож, предназначенный для разрезания твердого копченого мяса – острейшая штука, способная с легкостью продырявить человека. Впрочем, Гамов не питал иллюзий. Этот боец способен разделаться с ним и без всякого ножа. Голыми руками. Странно только, что он до сих пор этого не сделал. Из-за приступа слабости?.. Ничего, сил Леннару достанет.

Не так уж и много их надо, чтобы перерезать горло человеку, а в этом вопросе – перерезании горла – Леннар обнаружил недурную компетенцию...

– Ну! – громко и решительно сказал Константин и вооружился массивным блюдом, держа его на манер щита. – Подходи, что ли... деятель!

Однако того интересовал, кажется, вовсе не землянин. Он направлялся к трупу одного из гареггинов, на ходу рассматривая режущую кромку ножа и проверяя его на собственной одежде.

Гамов опустился на ковер и стал следить за действиями Леннара. Последить было за чем. Леннар опустился на колени возле тела Ли-Тэара и сделал два аккуратных надреза в правом боку гареггина. Потом, намотав на кисть тканевый отрез, выкроенный им из своей разорванной одежды, расширил края раны и сунул руку во внутреннюю полость покойника. Рука уходила все глубже, глубже... Гамов наблюдал за Леннаром с недоумением и тревогой. На лице того ничего не отражалось, он шарил в трупе с такой бесстрастностью, словно не тело убитого им человека, а тушка предназначенного на ужин животного была перед ним. Только пот, катящийся по лицу Леннара, выдавал недюжинное его напряжение. «Что он шарит? – мелькнула у Гамова мысль. – Что он там такое ищет?»

Долго гадать, впрочем, не пришлось. Леннар вдруг вздрогнул всем телом и вырвал руку из раны в боку гареггина. В его пальцах извивалось что-то черное, осклизлое, блестящее. На мгновение Гамова посетила бредовая мысль, что это имеет отношение к внутренностям гареггина, часть какой-то кишки. Конечно же это было не так.

Леннар держал в руке отвратительного черного червя. По его телу текла матово поблескивающая слизь. Воздух тотчас же насытился незнакомым и весьма неприятным запахом. Тварь в руке Обращенного извивалась, раскручивая свое тридцатисантиметровое тельце, разевала пасть, показывая что-то вроде роговых наростов, и шипела. Леннар на мгновение поднес червя к своему лицу, а потом взмахнул левой рукой с зажатым в ней ножом и снес червя голову.

– *Гарегг*, – сказал он, когда башка червя упала к его ногам, – эта-то тварь мне и нужна.

Гамов, конечно, не понял смысла сказанного, но словечко «гарегг» тотчас же закатилось в мозг и сохранилось там, и тотчас же он понял, что это название червя, извлеченного из внутренностей убитого гареггина. Гареггины, гарегг – не производное ли это одного от другого? Конечно, это так. Нечеловеческая быстрота и выносливость гареггинов, их высокий болевой порог, верно, следствие присутствия в организме инородного существа. Этаким симбиоз...

Но что хочет сделать Леннар?

Леннар взрезал тело червя по всей протяженности и, покопавшись, выудил из него несколько слизистых комочков, загнанных в подкожный карман. Эти комочки испускали такое зловоние, что у Гамова, стоявшего в нескольких шагах от Обращенного, перехватило дыхание. Константин с трудом сдержал рвотный спазм. Впрочем, его все-таки вырвало – после того как Леннар, отделив на ладони один слизистый комочек от остальных, сунул его в рот, и лицо Обращенного исказилось то ли от отвращения, то ли от боли.

Или от того и другого сразу.

Гамова перегнуло вперед, и он едва не повалился на ковер, залитый кровью и остатками еды. Тут Леннар повел себя еще своеобразнее. Он отделил еще один слизистый комочек от числа тех, что лежали у него на ладони, а остальные выкинул. Он приблизился к бледному и взъерошенному Гамову и протянул на перепачканной слизи и кровью ладони этот мерзкий кусок чужой плоти.

– *Киrr кьелла ио нар*, – сказал он.

– Что?

– Съешь это немедленно, – повторил Леннар на ланкарнакском наречии Общего, и теперь Гамов его понял, даже не зная языка.

Он понял, что этот человек, этот бестрепетный убийца вчерашних Костиных сотрапезников, предлагает ему съесть мерзость, очевидно имеющую отношение к системе размножения червя. Личинку или что-то наподобие...

Землянин отклонил руку Леннара, но тот был настойчив и совал эту отвратительную личинку уже прямо в лицо Гамову. Зачем? Едва ли чтобы убить: во-первых, он сам только что сделал то, что предлагал совершить Константину, ну а во-вторых, есть куда более быстрые и удобные способы отъема жизни.

Леннар повторил:

– Съешь это. Иначе ты не сможешь сопровождать меня, иначе – ты не сможешь помочь своим спутникам, которые прилетели с тобой с голубой планеты. И тогда сардонеры убьют их.

Гамов замотал головой, и тогда Леннар отставил в сторонку все рассуждать и, накрепко прихватив шею Константина в мощном локтевом захвате, стал засовывать личинку червя в рот прищельцу. Гамов был далеко не слаб, но тотчас же понял, какая невероятная сила выступает против него. Он мотал головой, вырывался, стискивал челюсти, но Леннар, орудуя в том числе и ножом, перемазанным в отвратительной слизи, разжал Косте зубы и затолкал-таки скользкое тельце ему в рот. Гамов попытался раскусить эту гадость, чтобы не допустить попадания внутрь своего организма *живого* существа, причем существа определенно опасного, непредсказуемого. Ничуть не бывало... Личинка проскользнула внутрь с легкостью и податливостью киселя, а на зубах Константина осталась только слизь, покрывающая корпус личинки.

Порождение червя-гарегга провалилось в Костин желудок. Леннар разжал захват и легонько оттолкнул землянина. Гамов, почувствовав себя на свободе, немедленно сунул два пальца в рот с целью тотчас очистить желудок от его страшного содержимого. Не тут-то было! Сколько ни раздражал Константин основание языка, провоцируя рвотные позывы, организм упорно не желал исполнить то, что от него ожидал его хозяин. Возможно, сыграла какую-то роль эта отвратительная слизь, которая, как казалось, напротив, должна была служить прекрасным катализатором нужного Косте физиологического процесса... Леннар наблюдал за действиями землянина без всякого выражения, в его глазах стояли усталость и отрешенность, плохо вяжущиеся с недавней его бурной активностью и заряженностью на действие.

Гамов ворочался на ковре и бормотал, стискивая зубы и чувствуя во рту отвратительный гнилой привкус:

– Зачем?.. Зачем это было нужно?.. Какое ты имеешь... право впихивать в меня эту вашу мерзость?..

Конечно, ему не ответили. Впрочем, Леннар поднял голову, когда Константин встал на ноги и нервно зашагал вокруг горы трупов, к которой присовокупился еще один, не человеческий – труп червя-гарегга с отрубленной головой. Сказать по чести, разобраться в разворачивающемся вокруг него безумии не представлялось возможным. Мотивы, заставлявшие Леннара и убитых им людей поступать в свое время так, а не иначе, тоже не представлялись внятными. Какие мотивы? Какие причины сыграли за то, что он, Константин Гамов, все еще жив, а вот, верно, некоторые из его спутников – уже нет? Отчего он тут, на этом пиру, быстро окончившемся и похмельем, и кровавой бойней? Зачем? За кого он был принимаем теми людьми, у кого уже не спросишь, не добьешься ответа?

И, наконец, зачем, зачем этот человек, не поколебавшийся пролить кровь десятка без малого людей, в том числе и женщин, вдруг проявляет, кажется, какое-то подобие заботы о нем, Гамове? Человек, которого принимали за мертвого, человек оттуда, из узилища, из серебряного чана, прикрытого отрезом полосатой черно-белой ткани?

В этот момент послышались шаги. Леннар отошел к колонне и, подняв меч гареггина, замер как изваяние.

3

– И все-таки я не понимаю до конца, что вы предлагаете нам делать, господин Крейцер, – горячилась мадемуазель Камара, в запальчивости открывая свои превосходные голливудские зубы. – Это, как мне кажется, какая-то бессмысленная, опасная, даже преступная авантюра. Нужно действовать по обстоятельствам.

Элькан отозвался тотчас же:

– Что вы имеете в виду под этим – «действовать по обстоятельствам»?

– Я считаю, что нужно связаться с руководством этих людей. В конце концов, мы и прибыли для налаживания контакта, а вы предлагаете едва ли не подготовку каких-то партизанских действий.

– С руководством? Если даже я, который куда ближе этому миру, чем вы все, вместе взятые, до конца не знаю, кто сейчас у них является руководством и какие у этого руководства вообще есть полномочия? Горн захвачен сардонарами, это мы уяснили. Ничего больше узнать пока не удалось, а этот хозяин кабачка... о, мы еще должны благодарить бога, или кого там принято... что он нас не выдаст.

– На улицах этого города очень плохо пахнет.

– Обычный запах средневекового города, – вступил в разговор Хансен, – причем средневекового города после большой крови. Я, кажется, уже начинаю кое-что понимать в структуре местного социума. Навскидку...

– Вот именно, что навскидку, – сказал Элькан. – Дело в том, что это совсем особый мир, которому нет аналогов у вас на Земле. И на моей родной планете тоже не было, а те несколько лет, что я провел сначала на этом Корабле, а потом на Земле, только подтвердили, что параллелей не так уж и много и что сравнивать нужно с большой осторожностью.

– Как сказал великий мыслитель, сравнение – самая опасная риторическая форма, – вернула Элен Камара.

– В мире Корабля, – продолжал Элькан, – существует огромный разрыв между психологией нынешних обитателей и возможностями рукотворной конструкции, вмещающей этот мир. И тот, кто когда-нибудь получит реальные ключи к тайнам Корабля, тот...

– Ну предположить несложно, – отозвался Абу-Керим, – тот попытается вернуться к высотам предков, наделает множество глупостей и в конце концов погубит и себя, и вверившихся ему людей. Что, не так, почтенный профессор Крейцер?

Элькан поджал губы, отвечать не торопился. Собственно, возражать на ремарку Абу-Керима было совершенно бессмысленно. То, что окружало пятерку спасшихся землян, тоже не располагало к дискуссии. Гости Горна, в позаимствованных у хозяина Снорка дешевеньких, серых накидках на завязочках, шли по кривой и узкой улочке, стиснутой между стен низеньких домов. Стены, выходящие на улочку, были преимущественно глухими, к тому же неровными и часто обваливались. Кроме того, с располагавшихся на втором ярусе этих строений редких балкончиков вываливали мусор и лили помои. Действовало не хуже обваливающихся кусков штукатурки и фрагментов кровли...

Неудивительно, что, пройдя по подобным узеньким улочкам, земляне не встретили никого, кроме трех или четырех ночных грабителей, действовавших порознь. Одного Абу-Керим зарезал отобранным у самой же жертвы ножом. Прочие поспешили ретироваться. Окраины города, затихшие в преддверии большого зрелища, обещанного вождями сардонаров, поворачивались к гостям пустыми каменными лицами домов и прикрывали веки глухих ставен. Тусклые фонари (так называемые «вечные», и происхождение этого наименования Элькан еще успеет разъяснить своим спутникам) редко-редко встречались у входов в трактиры и

ночлежные дома, и изнутри бухали гулко – по словно бы отсыревшему дереву дверей – далекие подземные голоса.

В этой части города сардонаров не было: все победители тысячелетнего Храма и те, кто самонадеянно и беззастенчиво себя к ним причислял, гуляли в историческом центре Горна. Близ площади Гнева, на пешеходной, белым камнем мощенной улице Камиль-о-Гон, а еще в предместье Борго-Лисейо, где сосредоточены были почти все веселые дома столицы Ганахиды...

– Веселый город, – сказал капитан Епанчин. – Напоминает мне средневековые гравюры из учебников истории... Только там почище. Думаю, наш историк-медиевист Мравинский добавил бы по этому вопросу много интересного, будь он с нами. А зачем вы оставались с хозяином наедине, профессор Крейцер? О чем говорили?

Из-за угла вывернула стайка подростков, облаченных в невероятное рванье, но с примесью дорогой трофейной одежды с чужого плеча. Капитану Епанчину, шедшему первым, вдруг бросилось в глаза, во что обуты эти молодые жители городских окраин. На ногах у некоторых красовались грубые деревянные башмаки, а у прочих ступни и щиколотки были плотно обмотаны грубо выделанной кожей. Епанчин вспомнил, что в Средние века примерно такие обмотки приспособливали на копыта лошадей – для бесшумного передвижения или же затем, чтобы не портить дорогое покрытие...

Элькан ответил после довольно продолжительной паузы – уже после того, как гостей Горна оценили и, решив, что добыча слишком крупна, не по зубам, исчезли:

– Выяснил кое-какие подробности штурма Храма. По сути, этот Снорк очень мало знает... Да и что он может знать? Я выспросил, что удалось, а потом запер его в кладовой.

– Живым? – отрывисто бросил Абу-Керим.

– Мертвым. Он повредил бы нам своим длинным языком.

– Еще недавно вы говорили мне о человеколюбии и о том, как бесценна человеческая жизнь, – почти с удовлетворением заметил террорист.

– Мы пришли, – сухо заметил Элькан и, свернув в проулок, остановился перед высокой и узкой дверью, заостряющейся кверху на манер носа лодки. Постучал.

Дверь открыл длинный, тощий человек с таким же длинным и узким, как дверь, как фигура хозяина дома, носом. У него была серая кожа с желтоватыми пигментными пятнами, серенькие же глаза-щелки, и вообще весь он был соткан из угловатых переходов, из полутонов, из складок своего длинного и нелепого балахона, в который он и кутался, вжимая и без того щуплые плечи. Хотя отнюдь не было холодно... Элькан произнес:

– Ваше имя Валиир?

Тот сощурился и ответил надтреснутым голосом (верно, так заговорила бы ожившая щепка, размоченная в воде):

– Когда-то меня и так звали.

– Вы были первым жрецом-Цензором при ланкарнакском Храме, том, в Нижних землях, Втором Храме?

Человек подпрыгнул, словно ему дали хорошенького пинка. Его глаза жадно, пыливо, лихорадочно вглядывались в посетителя и в тех, кто стоял в серых накидках за его спиной... Элькан спросил:

– Ну? Или мне продолжать говорить, чтобы весь квартал знал, кто здесь живет?

– Входите, входите! – придушенно пискнул человек.

Пятеро беглецов вслед за перепуганным и кутающимся в свои одеяния хозяином вошли в весьма просторную комнату, полностью занятую под опочивальню. Здесь были кровати и лежанки на любой вкус: и почти полноценное ложе на две персоны, застеленное грязной тканью; и топчан; и кровать, сколоченная из темных досок, с матрасом, верно вмещающим целую цивилизацию паразитов; и подстилка, брошенная на пол... А еще можно было улечься на громад-

нейших размеров сундуке, окованном металлом, на нем-то и расположилось ушастое, похожее на собаку существо с шерстью рябой и клочковатой.

Элькан тотчас же оценил все это изобилие и спросил с ходу:

– Кто с тобой живет?

– Я... один. Я один, вот еще собака, только... Только я не могу... я не могу спать все время на одном и том же месте, я постоянно перекалываюсь, чтобы... чтобы успокоиться, – трясая нижней губой, быстро пояснил странный хозяин, который, если верить словам Элькана, был жрецом-Цензором при Втором Храме, что в Ланкарнаке, столице Нижней земли Арламдора.

Впрочем, что значит – верить? Чтобы верить, нужно хотя бы понимать, о чем идет разговор, а спутники профессора Крейцера, разумеется, были лишены этого удовольствия.

– А вы меня узнаете, брат Валиир?

Тот вздрогнул:

– Я уже сложил с себя сан... и не надо...

– Проще говоря, вы не желаете распространяться о своем храмовническом прошлом, брат Цензор, и самовольно отказались от сана, хотя вас никто не низлагал, – сказал Элькан. – Так вы меня узнаете? Присмотритесь. Мы знавали друг друга в Ланкарнаке.

Хозяин сощурился и вдруг, растянув морщины на лице в нелепом, щелеватом подобии улыбки, проговорил:

– Конечно. Ну да, я узнаю вас, храни нас пресветлый Ааааму! Вы... ты... Брат Караал, Толкователь, один из Трех?

– Да, почтенный, в свое время я носил и это имя, – сказал многоликий Элькан. – Именно под ним ты меня и знал в ланкарнакском Храме.

– Что вы говорите этому очередному... красавцу? – со скепсисом осведомилась Элен Камара.

– Он в некотором роде мой бывший коллега. Как вы – нынешние. У меня вообще разносторонняя деятельность, и куда более продолжительная, чем вы способны представить, – откликнулся Элькан. – Думаю, что встречи с моими бывшими соратниками будут здесь частыми. По крайней мере, хотелось бы на это надеяться, потому что иначе у нас мало шансов. Ну что, брат Валиир, как протекли годы без Храма? – сменив тон и говоря более протяжно, с хорошо поставленной грустной ноткой, обратился он к тощему человеку, экс-Цензору и, стало быть, знатоку местных древностей.

– В размышлении и молитве, – заученно ответил тот. – Если богам угодно посылать нам эти испытания и проверять, устоим ли мы в вере и соблюдем ли каноны Чистоты, заповеданной нам Первосвященниками и прашурами, то, значит, так и должно быть.

– Что-то слишком много испытаний, и катятся они одно за другим как волны, – сказал Элькан. – Сначала против Храма выступили Леннар и его Обращенные, потом появились сардонеры во главе с многоустым Акилом и бесноватым Грендамом. Этим последним, как известно, удалось взять штурмом твердыню Первого. Теперь в городе воцарился суший ад. Бегут отсюда, бегут сюда, многие не понимают, куда деться и за что, за какие грехи все это выпало на их короткую жизнь. Не слишком ли много испытаний?

– Куда ты клонишь, брат Караал? Или лучше называть тебя Эльканом, ведь под этим именем ты известен в среде Обращенных, верно? – отбросив подпрыгивающий, пугливый тон, в упор спросил хозяин дома.

– Ну полноте, – возразил Элькан, – как говорят на одной прекрасной планете, хорошего человека должно быть много, а значит, и много имен иметь не возбраняется. Зови меня, как тебе удобнее. В свою очередь могу обещать тебе то же. Если, конечно, тебе не нравится прежнее твое имя – храмовое, *о.м.м.*-Валиир, брат Валиир.

– Что тебе от меня нужно?

– Помощь, – коротко ответил Элькан. – Потом я уйду так же тихо, как и пришел... Ты, как жрец-Цензор, имел доступ к архивным хранилищам Храма. Не исключаю, что у тебя и сейчас есть часть храмовых архивов. Не так уж и много места занимают иные ценные и порой очень древние вещи, в том числе книги, артефакты, храмовое имущество, предназначенное для отправления ритуалов. Кое-что из мной перечисленного может храниться ну вот, скажем, в этом замечательном сундуке, на который ты переселяешься с кровати во время бессонницы.

– Значит, тебе нужен...

– План подземелий Горна, – закончил Элькан. – Он нужен мне и моим спутникам.

– И ты думаешь, что этот план у меня есть?

– Я не исключаю этого.

– А не допускаешь ли ты, бывший брат Караал, что точно такие же сведения о подземельях Горна, равно как о тайных сооружениях в любых землях нашего мира и даже о ходах сообщения между ними, могут храниться и у сардонаров?

В то время как профессор Крейцер на незнакомом языке беседовал с хозяином дома, четверо землян – капитан Епанчин, Хансен, Камара и Абу-Керим – вели свой разговор.

– С самого начала... с самого что ни на есть начала этот чертов проект не заладился, – нервно начала Элен Камара. – В самом деле, довериться русским в ряде фундаментальных, принципиальных вопросов! Допустить, чтобы безопасность работ глобального масштаба была вверена едва ли не КГБ!

– Мадемуазель Камара! Согласитесь, по меньшей мере нелепо, стоя здесь, в сотнях тысяч километров от Земли, видеть во всем руку Москвы и привычно возлагать вину за все мыслимые просчеты на российские спецслужбы, – спокойно произнес капитан Епанчин. – Никакие аналитические выкладки не могли верно предугадать, просчитать то, что нас ожидало тут, в Корабле. Кто мог указать итоги этого первого контакта, последствия, особенности? Между прочим, в расчетные массивы данных закладывалось и такое милое предположение, что нас уничтожат, не дав проникнуть вот сюда, *внутрь*. А мы проникли!.. Дошли. Увидели. Не могу, конечно, сказать, что увиденное мне нравится...

– У меня так и вовсе перед глазами бойня в транспортном шлюзе и этот проклятый туман, который спускался со свода, со стен, – тихо сказал Хансен.

– А мне нравится вот это жилище, – решительно заявил Абу-Керим. – Подобрано со вкусом... Лежаки вот эти... Merde! Напоминает мое лежбище в парижском предместье. Я там провел несколько лет, когда совсем уж было потерял интерес к жизни. А что жалуетесь вы? Ведь жизнь на Земле скучна. Пресное блюдо... А тут такой острый, пикантный соус! И вы еще недовольны, господа?

– Вот что, – вмешался Епанчин, – скажу я, как капитан экипажа базовой станции. Ты, Керим, давай не будешь про скучную жизнь, в России у нас сам знаешь... Теперь вот что. Главное. Этот полет с самого начала мыслился как АВАНТЮРА. И все мы проходили подготовку сообразно этой характеристике проекта. Я не оправдываю Абу-Керима, захват его людьми Координационного центра в Москве, и свое он получит не сейчас, так после! Но!.. Присутствие трех террористов на борту наших кораблей ничего не изменило. С самого начала мы существуем не в нашей системе координат, живем не в своей среде, играем не на наших условиях. Нечего соваться в чужой монастырь со своим уставом... Нам остается просто выжить, – добавил он последние две фразы по-русски и умолк, не намереваясь их переводить.

Тут к ним присоединился и Элькан. Он что-то быстро пробормотал в ответ на слова Епанчина касательно того, что им «остается просто выжить». Видимо, ему удалось договорить со своим бывшим собратом по Храму (тому, в Нижних землях). Он присел на сундук, обшитый металлом, и весело пробарабанил по нему длинную дробь полусогнутыми пальцами.

– Сойди, – сухо сказал ему тощий хозяин и, смахнув с крышки все, лязгнув замком и открыл сундук.

Поверх открывшихся пыльных книг лежал охранный знак Благолепия – выдавленное на металле изображение распяленной человеческой пятерни. Элькан удовлетворенно качнул головой и кивнул, указывая на частный архив:

– Я думаю, здесь у тебя найдутся координаты всех площадей Гнева в этом мире.

– Посмотрим, – проворчал бывший брат Валиир, наполовину погружая свое длинное, согбенное тело в пыльные внутренности старого сундука.

Глава третья

Веселая казнь, версия 2.0

1

В Верхних и Нижних землях, еще недавно всецело находящихся под властью Храма (за малым исключением), очень любят казни.

Казнь – яркое и запоминающееся действие. С шумом, с помпой, с большими толками в народе. Казни ждали как праздника, а в некоторых наречиях Верхних и Нижних земель понятия «казнь» и «праздник» даже обозначались одним и тем же словом. Казни давали пищу для обсуждений. Казни были самым желанным зрелищем для народа, лишенного почти всех жизненных благ. Влacha существование серое и убогое, не видя удовольствия в жизни, эти милые люди находили удовольствие в смерти. Пусть в чужой, зато какой красивой, какой эффектной! Опять же пища не только для перетолков, но и для желудков... Но об этом пока не надо...

Еще в древности, в первые века Первосвященства, Храм наложил полный и категориче-ский запрет на светское искусство, научные, в особенности медицинские, исследования и на словесное творчество. Те немногие из рожденных в Корабле, кто ощущал в себе неизбывный творческий зуд, страстную и ничем не унимаемую тягу к созданию нового или же углублению, совершенствованию уже известного, по этому закону приходили под руку Храма. После определенных испытаний либо становились посвященными и сопричастными ордену Ревнителеей и занимались любимым делом в рамках дозволенного уже под эгидой Храма, либо попадали под действие сурового запрета. За несколько абзацев самобытного текста – кара. За искусное врачевание хвори, доселе не поддававшейся излечению и выкашивавшей население, – пытка или казнь. За изящную статуэтку в честь одного из богов, вырезанную из дерева или из камня, – кара, суровая кара. За искусно выкованный меч, украшенный великолепно отделанной рукоятью с резьбой и именованным тиснением, – застенки и пытка.

И только при подготовке к казни ремесленники и мастера могли пустить в ход все свои таланты и умения, и даже находились такие наивные и страстные, что проявляли себя в полную силу. Храм великодушно принимал шедевр и прощал того, кто его изготовил: все-таки закон есть закон. В землях, где были запрещены театр, скульптура, светская музыка, живопись, наложены запреты на эксперименты в архитектуре и большинстве ремесел, где сознательно душилось развитие медицины, только подготовка к Большому гликко, красочному аутодафе, позволяла людям творческим и знающим показать себя. В летописях Храма уцелели многословные описания эшафотов древних правителей, желающих перещегоолять друг друга в том, кто же эффектнее, сценичнее, торжественнее, завлекательнее умертвит своих подданных. Остались великолепные оды природе, баллады прекрасным женщинам и гимны богам, приуроченные к эффективным обезглавливаниям, ловким расчленениям, милосердным повешениям и иным методам отнятия жизни по мере фантазии отправителей этих жутких действий. Казни проводились на центральных площадях стольных городов, и все места для публичных казней носили одно и то же название, пусть на разных наречиях: площадь Гнева. До дня казни площади могли носить любое другое и сколь угодно древнее название. Но в день торжества это название менялось на ритуальное. Собственно, так называемое Большое гликко Аньяна Красноглазого и родилось из неумного желания обставить последнюю жизненную коллизию наилучшим образом... Что ж... похвально, весьма похвально.

Эту церемонию торжественного умерщвления приурочили к официальному введению во власть двоих соправителей сардонаров – Акила и Грендама. Когда последний из них произносил свою пламенную речь, приведенную выше, часть торжественной церемонии уже была

показана благодарным зрителям. Так, несколько музыкантов представили на суд досужих городских зевак великолепный гимн со словами: «Освобождение, как легка ноша твоя, что ломает мне шею и плечи...» Варварская музыка, грохот, лязг и вой, производимые десятком инструментов из запасов Храма, летела над площадью вперемешку с неистовым словесным речитативом. Глотки у певцов были будь здоров...

Наполнившие площадь и подступы к ней толпы народа были в полнейшем восторге.

Девушки-жрицы на ребрах пирамиды вращали бедрами в прихотливом ритуальном танце. Несколько гареггинов во главе с новым любимцем Акила гареггином Ноэлем непрерывно парили над лобным местом на высоте двадцати – тридцати анниев, реяли по ветру длинные стяги, размалеванные в цвета сардонаров и украшенные довольно похоже выписанными ликами Акила и Грендама. (Живописец, в свободное от казней время пробавлявшийся окраской стен в серый и черный цвета, уж расстарался.) Несколько осужденных, выведя на самое навершие пирамиды, напоили из резного ковшика прохладным питьем, зачем-то придавшим им сил. Питье тоже было частью ритуала, как несложно догадаться, потому что варили его по старинным рецептам бывшие повара Храма, ныне перешедшие на службу к сардонарам. Питье было великолепным, одним из его компонентов была желчь червя *гарегга*. И – вопреки затерянному в далеких и неизвестных здесь мирах изречению «Рожденный ползать летать не может» – именно эта желчь червя, часть того, кто ползает, вызывала у осужденных желание взлететь. После напитка все было легко, все было забавно, и даже то, что привязали осужденных к особым образом обтесанным бревнам и сбросили вниз по ступеням пирамиды, не вызывало вопросов... А смотрелось со стороны очень эффектно! Увлекались даже те, кто был осужден... Приветствовали катящихся к подножию пирамиды восторженными криками. Те отвечали снизу, еще не чувствуя и не осознавая, что в теле не осталось практически ни одной целой косточки. Только несколько счастливцев не прокатились до последней ступени пирамиды живыми – разможили череп. Конечно, это была недоработка, но осужденных на смерть было достаточно, для того чтобы не почувствовать досадную недостачу...

Вокруг пирамиды были расставлены на возвышениях орудия пытки. И зрителям, и одурманенным напитком осужденным они казались игрушками, сущей забавой. Характерно, что к этим снарядам не полагалось профессиональных палачей, а орудовали (под зорким присмотром гареггинов, конечно) выборные либо добровольцы из числа зрителей. Помнится, такую же штуку вводил у себя в государстве Петр Алексеевич, когда заставлял своих приближенных и бояр собственноручно рубить головы мятежным стрельцам. Правда, в отличие от земляков Акила и Грендама относился он к этой самодеятельности со всей серьезностью...

Горнская толпа выла от удовольствия и перекатывалась волнами. Расчлененное на хитрой конструкции, предназначенной для пытки, тело бывшего Ревнителя разорвали, так сказать, на сувениры. Кроме того, в столице процветало людоедство... К чему пропадать свежему мясу?

Стоя над бушующим людским морем, Акил жестом велел Ноэлю подлететь к нему:

– Свяжись с Таэллом и скажи ему, пусть подготовит своих пленников. Будем красиво *представлять*. Пора.

В то время как Ноэль отправился улаживать вопрос с Леннаром и его высокочтимым по канону убийцей, Грендам приказал возвести на пирамиду первую партию из числа захваченных в шлюзе землян. С них предварительно сняли скафандры, оставив, однако, оранжевые комбинезоны, частью забрызганные кровью. Красное и даже багрово-бурое красиво смотрится на оранжевом, решили местные эстеты.

– Это кто ж такие?

– Да, говорят, сам многоустый Акил захватил в битве. Там в пещере, где отлетела жизнь самого Леннара.

– Болтаешь...

– Если бы я, сынок, болтал, так не дожил бы до седых волос.

– Вона какие яркие-то, ткань на одеждах-то как будто из лавки толстого Векки, а у него на входе-то три зеленых фонаря висят, первая гильдия-то! Не укупишь...

– Толстого Векку позавчера зарезали, а весь скарб растащили, так что, может, и твоя правда.

– Во имя Леннара!..

– Ну ты лучше язык придержи. Не дело тебе высокое имя произносить, это уж пусть сильные да власти предержавшие балуются, а мы лучше старыми божками божиться будем. Не зевай, Коро! Бери секиру, руби ему сначала руку, а потом и голову. Вон как смеется!

– Опоили, знамо... Такое пошло, из Илдызовых подвалов. Веселящий напиток. От него боль как рукой снимает, хоть по живому режь, а все ничего не чувствуешь... Но недолго.

Одного из землян, канадского медика Саньоля, привязали к бревну и скинули с пирамиды. Тут его уже ждали любопытствующие. Одурманенный напитком, чувствующий во всем теле приятное жжение и покальвание, медик Саньоля выплюнул изо рта кровь и улыбнулся лохматой и страшной толпе. Его подхватили и, на пути к одному из пыточных снарядов вырвав из ляжки здоровенный кусок мяса вместе со штаниной комбинезона, подвесили кверху ногами к станине. Саньоля раскачивался, и по его горлу непрерывной теплой, тошнотворной волной текла кровь. Несмотря на эту легкую тошноту, Саньолю не было больно, приступала скорее легкая досада: дескать, что это вы со мной делаете, господа? Нельзя ли как-то поприличнее обращаться с гостями?

Бортинженера Корнеева скатили с пирамиды так удачно, что у него даже не замутилось сознание и он видел смеющиеся, свежие лица и белые зубы, обнаженные женские руки, плечи и груди, едва прикрытые редкой сеточкой с приплетенными к ней ритуальными амулетами. Корнеев равнодушно смотрел на то, как его подхватывает толпа, двумя взмахами кривого черного ножа, верно выточенного из обломка скальной породы, отделяет от бревна и тащит по кровавым следам, оставленным вот уже почти десятком предшественников Корнеева, пущенных вниз с пирамиды. Двое невысоких волосатых бородачей с руками узловатыми и мощными, как корни деревьев, просунули ноги Корнеева в какие-то петли, нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что правая нога с открытым переломом берцовой кости болтается как косичка у тряпичной куклы. Корнеев тоже не чувствовал... Боль накатилась вдруг и сразу, она была такой, что бортинженера перекрутило и разорвало, и он был счастливцем, что не успел прожить еще хотя бы десять секунд и что даже не успел пискнуть «Мама!» и зареветь дико, утробно, на одной ноте.

Астроному Дж. Кейхелу, которого разрезали на части, пришлось хуже. Еще хуже пришлось следующим трем жертвам, на которых натравили низкорослых, уродливых псов с мощными челюстями. От тварей пришлось отбиваться уже после того, как закончилось *обезболивающее*.

Те из осужденных, что стояли на вершине пирамиды, приглядывались к происходящему возле ее основания с явным интересом. Кто-то из землян даже заметил деловито, что против собак следовало применить другую тактику.

С таким же выражением на Земле обсуждались футбольные матчи или плановые постановления правительства.

Напиток, танцующий в ковшике в нежных руках жриц, действовал так же безотказно и пленительно, как и сотни лет назад.

И не все видели, как рыжеволосый соправитель Акил, получив коротенькое сообщение от оказавшегося возле него гареггина, переменялся в лице. Перепрыгнув на гравиплатформу, рядом со своим любимцем Ноэлем он пролетел над запруженной площадью, над крышами примыкавших к ней домов. И, снизившись до двух анниев над уровнем мостовой, исчез в полуразрушенной арке Реббо-бер-Дар (Справедливости), уже переименованной в арку Сардонаров.

Не заметив того, что Акила уже нет за его спиной, Грендам под грохот инструментов, большинству из которых он не знал и названия, вещал:

– Наше дело истинное! Не поколеблемся! Убей бога – освободи бога! Крови, храбрые мои соплеменники!..

Пламенная эта речь не мешала ему ковырять в зубах желтым, твердым ногтем на правом мизинце. На завтрак было нежнейшее филе собственного Грендамова охранника, накануне несчастливо наткнувшегося на саблю...

Прорицатель Грендам наслаждался и этим своим исключительным правом потреблять в пищу себе подобных. По установившемуся закону людоедами могли быть только сардонеры, выпитывающие таким образом достоинства употребляемого ими в пищу субъекта и переваривающие (а следовательно, уничтожающие) его недостатки и откровенные пороки. Как то: непокорство, лень, гордыня, злоба и зависть, да и мало ли грехов в этом и иных мирах! Усваивая мясо мертвеца, легитимный каннибал тем самым улучшает покойного посмертно, оставляет о нем добрую память.

Очень милосердное отношение к людям...

Сардонеры считают так на полном серьезе. Если вам придется оказаться в желудке высокопоставленного сардонера, знайте, что это высокая честь.

2

– Ну подходите, что ли, – тихо проговорил Костя Гамов, неподвижно глядя на то, как в пиршественный зал, ныне ставший местом бойни, по одному втягиваются желтоглазые, низкорослые воины, похожие на ту парочку стражников, что освободили его из узилища и под сопровождением гареггина привезли сюда. А может, эти двое тут и присутствовали. – Посмотрим, какие вы...

Но те не спешили «смотреть». Входя в зал, они один за другим выстраивались в шеренгу, все удлиняющийся фланг которой упирался в окровавленный ковер посреди зала. На Гамова они старались не смотреть, а если и поглядывали, то быстро, почти пугливо, стараясь не отрывать глаз от оцепенелой, мертвой точки в пространстве где-то прямо перед ними.

Леннара, словно слившегося с темной колонной и медленно отходящего еще дальше, в стенную нишу, они не видели.

Тут приоткрытая створка двери, через которую один за другим просачивались желтолицые стражники, содрогнулась от мощного удара и распахнулась, описав на петлях оборот и грохнув в стену. Появился Акил. Его сопровождали два гареггина, Ноэль и Исо. Оба словно отштампованы по одному, неоднократно воспроизведенному выше, образцу: высокие, гибкие, смуглокожие, с плавными, хищными движениями. С нежной, детской кожей и свободными от мимических движений лицами. Акил казался не столь пластичным и был куда более кряжист и просторен в плечах, чем его гвардейцы, в его походке и стати чувствовалась настоящая военная выправка. Впрочем, что удивительного? Ведь в свое время он состоял в ордене Ревнителей и получил превосходную всестороннюю подготовку, а именно – окончил военную школу Ревнителей, прошел обучение в ряде храмовых *меренгов*,⁴ в том числе правовом и медицинском. А еще за его спиной были два курса обучения в *Большом Басуале*,⁵ куда попадают лишь очень немногие из числа проходящих подготовку в Храме.

Твердое лицо сопровителя сардонеров чуть припухло, на виске пульсировала синяя жилка. Пройдя вдоль ряда стражников, уступающих ему ростом на голову, Акил поравнялся с неподвижно замершим Гамовым и остановился в трех шагах от землянина.

⁴ Меренги – общеобразовательные структуры Храма.

⁵ Большой Басуал – высшее учебное заведение при Храме, может быть сопоставлен с земными университетами.

– Ну не думал, что придется познакомиться раньше, чем на Большом гликко, – отрывисто сказал Акил. – Я знаю, ты не можешь меня понимать, а если вдруг и понимаешь, то это знание вручено тебе моими врагами. Но я все равно скажу. Мне известно, что тут произошло. Эти глупцы, которым я вверил только малую долю власти, тотчас же поспешили ею злоупотребить. Решили поиграть дорогими игрушками. Доставили сюда тебя, доставили тело Леннара. Они правильно сделали, что умерли. То есть – *ты* убил их, так? Иначе их убил бы я.

– Среди женщин, которые находились ночью в этом зале, была твоя племянница Лейна, многоустый Акил, – из-за плеча хозяина подал голос гареггин Ноэль.

– В самом деле? – встрепнулся и повысил было голос Акил, но тотчас же вернулся к прежней спокойной манере держать себя. – Так... С этой глупой девчонкой разберусь после, сейчас важнее определить, что произошло тут ночью.

– Развязать язык. Пытать, – коротко высказался гареггин Исо.

– *Кого?* Ты говоришь об этом неизвестном, который сразил Леннара? Я даже не буду объяснять тебе всю глупость, что вложена в твои слова. Его меч весь в крови таких же гареггинов, как ты. Не менее быстрых. Не менее сильных, нисколько не менее живучих. Попробуй отобрать этот меч...

– Это приказ?

Акил не ответил, он пошевелился, становясь к Гамову вполоборота, и снова заговорил. Константину неожиданно пришло в голову, что эти местные до смешного любят позу, необязательный красивый жест. Эффект, который превышает эффективности. Красивое, самоцельное слово, само звучание которого важнее причины, его породившей. Что этот рыжий хочет донести до него, Гамова?.. Ведь наверняка понял еще там, в шлюзе, что эти чужаки не их мира, что они пришли извне, ну скажем, из Великой пустоты, или как там еще может именоваться мировое пространство в местных космогонических мифах?.. А этот рыжий непохож на человека глупого и напыщенного.

Между тем непохожий на глупца Акил говорил:

– Со временем мы сможем понять друг друга. Надеюсь, это произойдет не слишком поздно... Ноэль! Покажи ему.

Выступивший из-за спины рыжеволосого сопровителя сардонаров гареггин Ноэль протянул Гамову плоскую металлическую табличку, на которой был вытеснен четкий медальный профиль. Передавая табличку, гареггин произнес певучее имя: «*Ли-эннаар*». Гамов машинально принял, взглянул... Он сразу узнал это характерное лицо. Хотя почти и не наблюдал Леннара в профиль. Он видел его окровавленным, с проломленной лицевой костью и запекшейся кровью, он видел его в действии и даже пытался помешать, и Леннар с полным основанием мог бы умертвить и его самого, Константина Гамова. И вот тут, разглядывая четкий профиль на желтоватом металле, землянин вдруг понял, что человек, которого он ударил дымящейся гравиплатформой по лицу, там, в транспортном шлюзе, – он и есть человек из котла, он и есть убийца гареггинов, он и есть Леннар, притаившийся тут, в зале, у колонны, отступивший в полумрак укромной ниши. И этот Леннар, верно, представляет особенную ценность вот для этого рыжеволосого, и его смуглых охранников, и вот для этих бессловесных желтоглазых болванов, вытянувшихся в шеренгу...

Не довершая в мозгу этой логической цепочки, Константин отрицательно покачал головой, хотя непонятно, к чему относилось его отрицание. Кроме того, у этих пришельцев, хоть и похожих до поразительности на земных людей, могла быть кардинально отличная система жестов, и разве что боги Великой пустоты ведают, что может усмотреть в этом покачивании Костиной головы рядовой гареггин и даже сам многоустый Акил...

Акил резко выдохнул. Пахло от него чем-то сладковатым и не то чтобы неприятно, но чувствовался в этом аромате резкий химический, медикаментозный запах, словно рыжеволо-

сый Акил только что вышел из кабинета современного земного стоматолога. Акил произнес, показывая безупречные, крепкие зубы:

– Он ничего нам не скажет. Он, даже если бы хотел, не сумел бы донести... Потребуется время, чтобы его понять, а этого-то времени у нас и нет. Нужно найти оставшихся в живых... Что ты говорил о моей племяннице, Ноэль?

– Она была здесь.

– Но ее трупа я не вижу, – хладнокровно произнес Акил. – Обыщите зал. Тщательно обыщите весь дом, раздери вас демоны Илдыза!

– А что с ним? – Ноэль указал на Гамова.

– А что с ним? – повторил Акил. – Зачем он нам без трупа Леннара? Ведь он только вспомогательная деталь церемониала. Конечно, мы можем обойтись без всей этой шелухи, но сколько потребуется Грендаму, чтобы перезарядить настроения толпы, чтобы переключить их на другой раздражитель? Или вы не понимаете, что произошло, жалкие недоумки? У нас ИСЧЕЗ БОГ, пусть не живой, пусть это даже труп бога, все равно это существо высшего порядка, опора, столп нашей веры! А ты киваешь на пришельца, задаешь глупые, никчемные вопросы...

Ноэль – редкость для гареггина – был довольно умен. Но сейчас не требовалось никакого ума, чтобы понять призыв Акила: действовать, действовать, вызнать всю подноготную, найти, найти!.. Гареггин Ноэль повернулся к стражникам и жестами отдал им соответствующие распоряжения, после чего шеренга рассыпалась и стражники с удивительным суетливым проворством, делающим их чем-то сродни крысам, хлынули во все стороны. Кто-то досматривал трупы, с интересом раздвигая одежды и залезая всей пятерней в страшные рубленые раны; кто-то шел по периметру стен, а один из стражников, верно обладающий самым острым чутьем, нашел и отпер небольшую дверку, за которой обнаружил около десятка женщин. Живых. Полу-мертвых и находящихся в обмороке, слабо поскуливающих, как побитое животное. Только одна стояла у двери. И эта единственная, как только стражник отпер дверку, немедленно дала ему по физиономии так, что низкорослого желтоглазика отнесло от входа в тайную комнату, а челюсть тоскливо заныла. Женщина, от широкой своей души хватившая по морде спасителя, была Лейна. Племянница Акила тотчас же заявила, что их слишком долго продержали взаперти, не вызволяя из ловушки, и что она в бешенстве. Подтверждая это свое мнение, она в гневе вырвала короткое метательное копье-*миэлл* у ближайшего стражника и врезала тому по спине раз и другой так, что тот взвыл коротко и затрясся, как от холода.

Подошел рыжеволосый сопровитель Акил. Он спросил очень спокойно:

– Что тут произошло?

– Червячки захотели показать нам свои трофеи.

– Червячки? – перебил Акил.

– А что, дядя, ты не знаешь, что так за глаза называют гареггинов? Так вот, двое твоих червячков захотели позабавиться и потешить наших девочек. Таэлл велел притащить из узилища этих двоих... Вот его и Леннара, – кивнула в сторону Гамова девушка. – Но великий Леннар оказался не так уж и мертв, как опрометчиво посчитали наши распорядители торжества. Он восстал из мертвых, взял у одного из парней меч и всех порешил. Твои хваленые гареггины, дядя, смотрелись против Леннара как сущие щенки, те, что жмутся и дохнут по подземельям городов.

– Леннар?! – загремел Акил. – Так он *жив*?!

– Да.

Ноздри рыжеволосого Акила раздулись и затрепетали. На щеках его проступил румянец, нижняя губа капризно выпятилась вперед, и вот тут бывший храмовник вырвал из рук верного Ноэля боевой шест-хван и коротко, без замаха, вогнал его в бок желтоглазому стражнику. Не разбирая – просто тому, кто стоял ближе прочих. Тот упал не простонав.

Расточив таким непринужденным образом вспышку своего гнева и сорвав эмоции на невинном, Акил повторил уже с утвердительной интонацией:

– Так он жив... Та-ак... Илдыз и бездна! Где же он, наш живой и воплощенный?

– За то время, пока я сидела в этой боковой комнатке, он мог уже перебраться, верно, да хоть в центральные секции к Обращенным! – дерзко ответила Лейна.

– Это Леннар убил тех, кто в этом зале? – продолжал выпрашивать строгий дядя.

– Он. А кто же еще? Этот, который там торчит, сразу перепился с благоволения наших дур, да и обожрался мясного желе из криннского *кармагг-йолля* так, что только икал, рот все время приоткрыт, слюна течет, а глаза красные и бессмысленные, – насмешливо отчеканила Лейна. – Он сначала и есть не хотел, так нет же, угостили...

Акил сделал движение рукой, и тотчас же два стоящих за его спиной гареггина, Ноэль и Исо, сорвались с места, словно их смахнуло накатившим ветровым валом. Гареггины оказались подле Гамова, и Ноэль перехватил запястье правой, безоружной, руки; левая же кисть землянина ощутила на себе давящую хватку лобастого Исо, молчаливого, упорного. Сопя, Исо вырвал окровавленный клинок из пальцев Константина и отбросил прочь, вслепую, себе за спину – прямо на трупы. Вырваться Гамов и не пытался. Уложат на месте, не дожидаясь прямого приказа Акила. Зря тот, кого они ищут, не поубивал насмерть всех этих болтливых баб. Вон как все переменялось после нескольких слов этой девчонки!

Поймав себя на этой мысли, Гамов вдруг похолодел. Верно, в самом деле жизнь человеческая до смешного дешева в пределе этого гигантского металлического склепа на орбите Луны, раз он так скоро напился здешними настроениями. Хотя полно!.. Какая Луна? Какая орбита? Разве вот эти желтоглазые стражники, ничтожества, которых легко принимают за разменную монету, которых дергают, швыряют и убивают – разве они могут представить себе эти понятия? Разве их мозг вмещает хотя бы отдаленное представление о том, что есть иные миры, поразительно не похожие на это воплощенное пыльное средневековье, вдруг напитавшееся свежей кровью? «Смешно, Константин. И не думай!.. Что толку? Нет никакого сомнения в том, что тебя убьют по первому знаку. Не прикидывая, не колеблясь...» Гамов расслабил руки, показывая, что он не думает сопротивляться. Акил смотрел издали – не шевелясь, не мигая. Девушка, его племянница, что-то звонко втолковывала своему властительному дядюшке, обильно и выразительно жестикулируя и время от времени обводя красивым движением стены зала. «Милосердие, Костя, милосердие!.. Ты сам заступился за эту милейшую девицу, ты с риском для собственной жизни остановил руку этого... как его... Леннара. И вот теперь она тебя закопает. Хотя сомневаюсь, что тут принято хоронить умерших. Ну в землю...»

Акил все еще смотрел на него. Потом сказал:

– Значит, он здесь, значит, он жив. Какая поразительная живучесть, что ж. Впрочем, это не какой-нибудь желтоглазый... отнорыш крысиный.

– Нужно выставить патрули, нужно немедленно поставить Горн на особое положение! – воскликнула Лейна, и ее темные глаза засверкали, скривились губы. – Нельзя так оставить, чтобы... безнаказанным!..

– Да где ты его сейчас найдешь, – откликнулся Акил. – Особое положение... Сделать ситуацию в городе более *особой*, чем она таковой является с момента штурма Первого, – это вряд ли. Леннар знает этот город, хотя не так часто тут бывал. Выловить его сейчас в этом мутном мареве... Нет, невозможно. Только дело случая. Вся моя жизнь в последнее время – прямое следствие случая.

– Неужели нельзя его найти? Дядя, ведь твои гареггины, твои хваленые гареггины так быстры, и если бросить на поиски даже самого Леннара два их десятка, то...

– На поиски Леннара! Помни, Лейна, что наша религия обожествляет его перед лицом истинно верующих! – перебил он, употребляя положенные по канону обороты. – К тому же что его искать? Конечно, мы бросим на поиски все силы, каждый истинный сардонар вольет

свою струйку крови, струйку пота в общее дело этих поисков... Но! Я тебе и так скажу, куда он сейчас направится. Ты и сама угадаешь... Только чуть-чуть напрягись...

– На площадь Гнева, – проронила она, наморщив лоб. – Ну конечно...

– Там сейчас забавно, – сказал гареггин Ноэль. – Так что делать с этим? – Акил, рассеянно шурясь, медленно подходил к Гамову, запястье которого все еще обвивали железным кольцом пальцы Исо. – Положить вместе с теми?

Рывком, в который Константин вложил всю свою силу, он выдернул кисть из тисков Исо и тотчас же ударил локтем под ребра гареггина. Того качнуло назад, но Гамов был почти уверен, что боли не было, нет, что-то вроде раздавленной досады: дескать, как, *этом* еще барахтается?.. Гамова потянуло к темному ковру в центре зала, к залитым кровью блюдам и к телам гареггинов, в руках и на амуниции которых еще можно найти какое-никакое оружие. Гамова повлекло к ближайшему из боевых шестов-хванов, он подхватил прохладное отполированное древко, перепачканное пряным соком каких-то ягод и – вперемешку – кровью. Навстречу ему шарахнулись трое желтоглазых, Константин крикнул и взмахнул шестом – двое отшатнулись, третий же замешкался, глядя в лицо пришельцу своими мутными, бессмысленными глазками, на дне которых дохлым червячком зашевелился страх. Гамов ударил его шестом, легко пробив трапециевидную мышцу чуть повыше лопатки, и метнулся к выходу из зала, где стояли еще двое гареггинов.

Его обезоружили в два счета, сбили с ног, не нанеся и царапины, он еще успел, переворачиваясь в воздухе и до одурения и «морского» шума в ушах стиснув челюсти, пнуть одного из гареггинов ногой в живот. Пресс у того оказался железный. Все равно что ударить по отопительной батарее, как в детстве, дилетантски тренируя удар...

Акил добрался до сбитого с ног пришельца в несколько громадных шагов, почти прыжков, почти звериных... Он склонился над Гамовым, но Константин не увидел на его лице ни злобы, ни гнева. Нет!.. Рыжеволосый Акил рассматривал его с определенным интересом и даже с долей свирепой симпатии, с какой, верно, сытый хищник разглядывает случайную жертву, размышляя, сожрать сейчас или оставить на ужин, впрок.

– Ну что же, – наконец сказал он, – давно я не видел, чтобы с такой живостью кидались на гареггинов. В последний раз это были Обращенные во главе с самим... Это не Обращенный. Он другой. Интересно будет его прощупать. Нет, Исо, не смотри таким свирепым взглядом, он еще мне понадобится.

– Позволь, мудрый, мы пока только подвесим его на крючья за ребра, – сказал добрый Ноэль, и на его полудетском лице проскользнула нетерпеливая гримаса.

– И это лишнее... тем более что он оказал мне услугу. Задержал руку Леннара, когда тот хотел добить Лейну, вот эту мою строптивую племянницу. Так что я в некотором роде у него в долгу. Не каждый осмелится остановить *руку бога*, даже такого потрепанного...

Последние три слова, впрочем, Акил произнес так негромко, что расслышал их только Гамов. Единственный, кто не мог понять их смысл.

3

Элькан поднял тускло рдеющий факел. Тот предательски потрескивал и должен был вот-вот потухнуть. То, что все еще освещал этот факел, было давно в единой цветовой гамме, бедной красками и оттенками. Серые стены, серые перекрытия, черные глазницы ниш и вентиляционных ходов, темно-серая полоса прохода под ногами, изредка перебиваемая участками выходящей на поверхность глинистой красноватой жижи. Жижа местами спеклась в густую массу, кое-где, напротив, стала совсем жидкой и булькала фонтанчиками, словно снизу, из глубин, выходил воздух. Коридор то сужался до ширины обычного воздуховода, где не разойтись и двоим в меру крупным мужчинам, то, напротив, раздавался в стороны и взмывал вверх,

обнажая подходы к каким-то громадным сооружениям сложных очертаний, о форме и тем паче о назначении которых сложно судить при таком освещении.

Шли вшестером: к пятерке прилетевших с Земли присоединился тот самый брат Валиир, самовольный отпущенник Храма. Примечательно, но за то время, как они передвигались по горным катакомбам, они встретили больше людей, чем вчера вечером там, наверху. Сейчас же они едва не наткнулись на группу сардонаров, беспорядочно и бессистемно вооруженных саблями, ножами и копьями (короткими – *миэллами*, и длинными – *гараннидами*). Их экипировка тоже выдавала известную меру фантазии: кто-то был облачен в верхний доспех храмовника-Ревнителя, из-под которого торчали короткие, до щиколотки, штаны босяка, другой нацепил тяжелую кожаную рубаху с заклепками и шнурованные боевые сапоги; третий обзавелся походным плащом, не способным, впрочем, прикрыть голую задницу и забрызганные грязью икры... Герои подземелья переговаривались при свете факелов. Пили все. Смеялись, грызли обслонявленный копченый окорок, передавая его по кругу вслед за кувшином. Патруль... Примерно такой же подземный патруль попался на развилке тоннелей, один из которых вел к площади Гнева. Такие же храбрые ополченцы, набравшиеся наглости и мародерских замашек, демонстративно орущие в голос, хотя и можно было бы говорить негромко – акустика катакомб позволяла слышать даже то, что сказано шепотом. Дескать, нам не от кого прятаться!..

С ними легко разминулись. Благо при такой манере их поведения несложно было пройти буквально в нескольких шагах, выбрав соседний тоннель и оставшись совершенно незамеченными. С потолка что-то капало. В тоннеле пахло гнилью, сырой нефтью и почему-то пережаренными семечками. Хотя вряд ли тут выращивают подсолнечник и используют его семена известным всем российским бабушкам манером, подумал капитан Епанчин. Тут он наступил на почти разложившийся труп какой-то твари с наполовину облезшей шерстью, и неверные мысли о родной планете и ее обитателях как отсекло...

Словно ручейки в грязную лужу, все подземные тоннели стекались к огромной глухой стене, покрытой толстым, в ладонь человека, слоем какой-то липкой черной дряни. Местами из-под этого черного налета проглядывал желтоватый металл. Оценить высоту стены не представлялось возможным: чахлый свет, испускаемый факелом, был в состоянии раздвинуть темноту разве на два анния.

У стены торчал высоченный «вечный» фонарь, на длинной шее которого красовался рубец от удара саблей. Неподалеку валялось несколько трупов. Людей умертвили одним и тем же способом – вспороли живот и выпустили наружу кишки.

– Это дайлемиты орудовали, – сказал Валиир. – Их много в сардонарском воинстве теперь развелось.

– Дайлемиты? Это то есть из Нижних земель, Кринну, город-государство Дайлем? Там еще рядом Нежные болота, если не ошибаюсь?

– Не ошибаешься, – сдержанно откликнулся сухощавый отпущенник, нарочито избегая называть Элькана одним из его многочисленных имен, которые множились неустанно, – это их манера. Вспарывают брюхо всем подряд, даже если посмертно. Традиция... Все-таки в Нежных болотах не абы кто обитает. Всегда настороже... Эти тут, верно, уже вторую седмицу валяются, со дней штурма Этерианы.

– Сардонары взяли Этериану?

– А почему ты удивляешься? Они ведь смогли захватить Первый Храм, а уж взять приступом здание законодательного собрания, где сидели эти марионетки ордена с жирной свиной, Первым протектором, во главе – пустяк, мелочь, – проскрипел бывший жрец-Цензор.

– О'кей! И что мы будем делать дальше? – вступил в разговор Хансен. – Профессор Крейцер, вы все-таки переводите на человеческий язык то, о чем вы говорите с этим тощим... вашим, э-э-э, бывшим коллегой. Где мы находимся?

– Что это за подземелье? – подхватила Элен Камара. – Трупы... к чему?.. Вы намекаете на то, что...

Из темноты, цепляясь за стену, ухнул кусок черной облицовки. Камара шарахнулась к Элькану, державшему в руке факел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.